

Высторóбец Е.А.

**МИФЫ ЭДИТ БРАУН ВАЙС КАК ИСТОЧНИКИ ПОНИМАНИЯ ИНТЕРЭКОПРАВА:
1-3 (НАЧАЛО)**

Вышедшая в Ричмонде статья профессора Эдит Браун Вайс («Понимание соблюдения интерэкоправовых соглашений: чертова дюжина мифов», 1999), представляет собой нагляднейший пример того, насколько интерэкоправо многомерно и нуждается в оценке соотношения своих средств и своей действенности. Вопрос об источниках понимания интерэкоправа ставится сегодня практически на повестку дня в целом ряде научных школ. Поэтому разбор, с одной стороны, оснований отрицания линейности, и, с другой стороны, действенных подходов по достижению цели является необходимым. В этой связи автор решил сравнить наблюдения Э.Б. Вайс, во-первых – с накопившейся со времени опубликования статьи практикой, во-вторых – с взглядами евразийских ученых. Статья вносит в отечественный научный оборот примечательные мысли Э.Б. Вайс в контексте мнений квалифицированных юристов и способствует выявлению идеальных источников интерэкоправа.

Ключевые слова: Эдит Браун Вайс, интерэкоправо, соблюдение, имплементация, принуждение к исполнению, действенность, «мягкое право», 13 мифов.

Высторóбец Е.А.

Wystoróbetz E.A.

**MYTHS BY EDITH BROWN WEISS AS THE SOURCES OF INTERECOLAW
UNDERSTANDING: 1-3 (BEGINNING)**

The article published in Richmond by Professor Edith Brown Weiss (*Understanding compliance with international environmental agreements: the baker's dozen myths*, 1999) – obvious example of how interecolaw is multidimensional and to which extent it needs assessment of the ratio between its instruments and its effectiveness. The question of the sources of understanding of the interecolaw is now virtually on the agenda of a number of scientific schools of thought. Therefore analyses, on the one hand, of the base denying linearity, and on the other hand, an effective approach to achieve the purpose is necessary. In this regard, the author have decided to compare the observations by E.B. Weiss, at first – to the practice accumulated after the publication of the article and second – to the views of the Eurasian scientists. The article introduces into the domestic scientific circulation highlights by E.B. Weiss in the context of the opinion of the most highly qualified publicists and facilitates the identification of ideal sources of interecolaw.

Keywords: Edith Brown Weiss, interecolaw, compliance, implementation, enforcement, effectiveness, «soft» law, 13 myths.

Госпожа (миссис) Браун Вайс – стипендиат Франциса Кэбелла Брауна¹, профессор международного права Центра права (факультета) Джорджтаунского университета (Вашингтон, округ Колумбия) с 1978 г. В 2002 г. она была назначена на пятилетний срок в Инспекционный Совет Всемирного банка и являлась его Председателем до назначения в 2007 г. вице-президентом. В 1994–1996 гг. возглавляла Американское общество международного права. Основала отдел международного права в Агентстве США по охране окружающей среды. Ее лекции по интерэкоправу доступны в Аудиовизуальной библиотеке ООН, в том числе на русском языке (в переводе)². До Джорджтауна она была профессором гражданского строительства и политики в Принстоне.

Отметим, что среди множества наград Э.Б. Вайс в 2007 г. была удостоена Награды вашингтонско-женевого Центра интерэкоправа (основан в 1989 г.), получателем которой был также Александр Кисс (2004). Ее книга «С честностью к будущим поколениям» опубликована на английском, французском, испанском, японском, китайском языках.

Профессор Эдит Браун Вайс имеет степени бакалавра с отличием Стэнфордского университета, доктора юридических наук Гарварда, доктора политологии Калифорнийского университета в Беркли, почетного доктора юридических наук

Чикаго-Кентского колледжа права, почетного доктора юридических наук Гейдельбергского университета³.

Предыдущие работы Э.Б. Вайс («Экологические изменения в международном праве: новые проблемы и измерения», 1992; «Интерэкоправо и политика», 1998 и др.) характеризуются зубодробительным стилем, который выражается в строгой логике упрощенного категоричного понимания. Сила авторского метода – в повторении прописных истин и упрощении. Статья «Понимание соблюдения интерэкоправовых соглашений: чертова дюжина мифов»⁴ совершенно не типична не только для ее автора, но и для западного научного мира, не склонного к теоретизированию. Это пример отрицания отрицания, к которому автор пришла «от противного». Однако статья настолько удалась, что механизм интерэкоправа предстает полностью аморфным и неуправляемым, то есть в образе другой крайности.

Монотипичность статьи не означает, что изменилось правовое понимание автора, что принципам права отводится роль, соответствующая их значению в интерэкоправе. В своем «Введении в интерэкоправо» в фонде Аудиовизуальной библиотеки ООН профессор называет принцип устойчивого развития внутренне присущим интерэкоправу и упоминает на 16-й минуте еще не получившие развития в 1972 г. принципы 21 и 22 Стокгольмской декларации (о ненанесении ущерба за пределами национальной юрисдикции и об ответственности за ущерб окружающей среде).

1 Почетное звание, вероятно, учреждено в честь бывшего юриста фармацевтической Корпорации Шеринг, предшественника Корпорации Шеринг-Плау в Мэдисоне, Нью-Джерси, реквизируемой у Германии в 1942 г., назначенного правительством ее Президентом (прим. Е.В.).

2 Audiovisual Library of International Law. Copyright © United Nations, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://untreaty.un.org/cod/AVL/faculty/Weiss.html>.

3 Biography [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://untreaty.un.org/cod/avl/pdf/ls/Brown-Weiss_bio.pdf.

4 Weiss E.B. Understanding Compliance with International Environmental Agreements: The Baker's Dozen Myths // University of Richmond Law Review. – 1999 (January). – № 32. – P. 1555–1585.

де). В 1992 г. Эдит Браун Вайс считала, что «несмотря на некоторое нормативное признание [права], определенного *opinio iurisper* о праве на благоприятную окружающую среду не существует, и при этом оно не может интерпретироваться как "общий принцип права, признаваемый цивилизованными нациями"»⁵. Профессор отмечает ключевое значение этого принципа в системе экологической безопасности и дает его толкование, но не рассматривает его правовые основания, не включает в систему международного права. Суммируем, что упомянут только один из семи общепризнанных принципов интерэкоправа⁶. Например, М.М. Бринчук называет 19 принципов⁷; А.С. Тимошенко – 11 принципов⁸; Н.А. Соколова – 11, в том числе 6 общепризнанных и нормативно обеспеченных принципов⁹; в одной из работ – 39 (в том числе внутригосударственные)¹⁰; Ф. Сэндз – 42, в том числе 7 признанных интерэкоправовых принципов¹¹; И.И. Лукашук – 7¹²; К.А. Бекашев – 15¹³; И.А. Мухин – 8¹⁴; М.Н. Копылов – 11¹⁵; Т.И. Гизатуллин – 9¹⁶.

Аргументы используются экономно. Отсутствие умозрительной экологической риторики является преимуществом стиля. Формируется картина «чистого» формального права. С другой стороны, точные выводы Э.Б. Вайс при ограничитель-

ном толковании могут иметь разрушительный эффект, создавать впечатление о якобы юридически слабой отрасли права. Может быть, сила отрасли в ее «слабости». В этой связи нижеследующая попытка найти баланс между полной децентрализацией и положениями, вселяющими надежду на возможность порядка, представляется полезной.

Тот факт, что автор, завершая статью, не демонстрирует точного представления о количестве интерэкоправовых договоров, объясняется малой на то время распространенностью специальных источниковедческих исследований. Разумеется, это не позволяет усомниться в ее глубоком опыте. Известно, что на декабрь 1998 г. было заключено в полтора раза больше интерэкоправовых соглашений (2487), включая 1861 первичных договоров, без поправок и протоколов к ним, чем указанное в статье количество – «более 1000». К апрелю 2013 г. число природоохранных договоров увеличивалось в среднем на один процент в год (на 17 % за 15 лет) и составляет 2983 учтенных договора¹⁷. И в 1998 г., и сегодня указанное количество отличается от действительного, поскольку определенная доля договоров остается неучтенной.

«Классический» вид международно-правовой системы характеризуют следующие признаки, называемые в статье. В 1648 г. Вестфальский мир установил новый правовой порядок, основанный на суверенитете, независимости территориально определенных государств, каждое из которых стремится к политической независимости и территориальной целостности¹⁸. Международное право было метко определено как «совокупность правил и принципов действия», обязательных для государств во взаимоотношениях друг с другом¹⁹. Существовала четкая граница между международным и внутригосударственным правом, а также между международным публичным и частным правом. Такие крупные нововведения, как корпоративные кодексы экологической практики и стандарты серии ISO 14000 получили распространение начиная с 1992 г.²⁰

Согласно Э.Б. Вайс, традиционная точка зрения на соблюдение договоров предполагает, что правительства договариваются о международных соглашениях, которые действуют благодаря имплементации в законодательство или подзаконные акты страны, а если необходимо, то и через нормативные акты местного уровня. Автор отмечает, что эта точка зрения иерархична, потому что в соответствии с ней соблюдение строится от международных соглашений к национальным и местным правилам и не учитывает неправительственные субъекты: промышленные объединения и граждан, которые действуют вне государственных границ и на различных уровнях управления. Кроме того, отмечается, что этот подход инвариантен (статичен), потому что подразумевает возможность документально зафиксировать соблюдение соглашения в любой момент времени.

- 5 Environmental change and international law: New challenges and dimensions / Ed. by E. B. Weiss. – Tokyo, 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.unu.edu/unupress/unupbooks/uu25ee/uu25ee13.htm> (25.03.2005). – Цит. по: Высторобец Е.А. Право на благоприятную окружающую среду: Животный мир и право. Информ.-метод. материалы и справочный комплекс. Учеб.-метод. пособие по курсу: «Экология, охрана природы, экологическая безопасность» / МОУЦ «Нахабино». – М., 2005. – С. 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.silverday.ru/ecolog/MIELD1-152.pdf>.
- 6 Sands P.J. Principles of International Environmental Law. – 2nd ed. – Cambridge, 2003. (первое издание состоялось в 1994 г.); Соколова Н.А. Развитие принципов международного экологического права и проблемы их имплементации: на примере законодательства Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998; См.: метапринципы – в кн.: Экологические положения конституций / Под ред. Е.А. Высторобца. – М., Уфа, 2012. – С. 357–359 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://miel.narod2.ru/Environmental_provisions_of_the_constitutions_KBS.pdf.
- 7 Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды). – М., 1998, 2009. – С. 637–638.
- 8 Timoshenko A.S. Ecological Security: Global Change Paradigm // Colorado Journal of International Environmental Law and Policy. – 1990 (Summer). – Vol. 1. – P. 127; Guruswamy L., Weston B., Palmer G., Carlson J. C. International Environmental Law and World Order: A Problem-Oriented Coursebook. – 2nd ed. – St. Paul (Minn), 1999. – P. 1155–1161.
- 9 Соколова Н.А. Развитие принципов международного экологического права и проблемы их имплементации (на примере законодательства Российской Федерации): Автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 1998.
- 10 Высторобец Е.А. Атлас международного природоохранного сотрудничества. – М.; Гаага, 2001. – С. 7–10.
- 11 Sands P. Principles of International Environmental Law. – 2nd ed. – Cambridge, 2003.
- 12 Лукашук И.И. Международное право: особенная часть: Учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М., 2005.
- 13 Международное публичное право : Учебник / Л.П. Ануфриева, Д.К. Бекашев, К.А. Бекашев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. – М., 2005. – С. 627–632.
- 14 Мухин И.А. Принципы международного права в охране окружающей среды и их роль в системе экологического законодательства России // Международное публичное и частное право. – 2006. – № 2 (29). – С. 38–41.
- 15 Копылов М.Н. Введение в международное экологическое право. – М., 2009. – С. 175–241.
- 16 Гизатуллин Т.И. Международное право окружающей среды // В кн.: Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. – М., 2010. – С. 76–77.

17 Data from Mitchell Ronald B. 2002-2013. International Environmental Agreements Database Project (Version 2013.1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://iea.uoregon.edu/>.

18 Gross L. The Peace of Westphalia, 1648-1948 // American Journal of International Law. – 1948. – № 1 (42). – P. 20–41. – Цит. по: Э.Б. Вайс.

19 Brierly J.L. The Law of Nations: An Introduction to the International Law of Peace. – 6th ed. / Ed. by H. Waldock. – New York, 1963. – Цит. по: Э.Б. Вайс.

20 Торговые объединения, такие как Ассоциация предприятий химической промышленности (Chemical Manufacturers Association), разработали экологические кодексы практики, которыми руководствуются их члены. См.: Baram M.S. Multinational Corporations, Private Codes, and Technology Transfer for Sustainable Development // Environmental Law. – 1994. – Vol. 24(1). – P. 33–65. Дополнительно к отраслевым кодексам, ИСО разработан ряд добровольных стандартов по экологическому управлению. См.: Tibor T., Feldman I. ISO 14000: A Guide to the New Environmental Management Standards. – Burr Ridge, Illinois, 1996. – Цит. по: Э.Б. Вайс.

В последней мысли автора смешиваются разные аспекты. Если она и не отождествляет право и закон, что не редкость для позитивистского типа правопонимания, то допускает невероятную точку зрения о том, что сам факт существования вертикали нормативных положений, принятых во исполнение договора, уже и есть его соблюдение и выполнение. Очевидно, что качество норм, «оформленность» имплементации и практика – это не одно и то же. Соблюдение динамично по сути. Действительно, интерэкоправо выражается в виде «форм источников» – в совокупности отдельных договоров, частные нормы которых могут создавать вертикаль – соотноситься друг с другом, как различающиеся по юридической силе. Но формальная юридическая сила (иерархия) объективна и не зависит от действенности, понимания и применения. А соблюдение – вопрос обеспечения условий (в том числе принудительной силы), уровня сознательности, соответствия культурного уровня или наличия иных мотивов правомерных действий. Другая содержащаяся здесь мысль о том, что «неклассические» субъекты особенно важны для интерэкоправа, ясна и полностью поддерживается. Суть метода интерэкоправа – воздействие на международные экологические отношения с целью охраны окружающей среды, рационального использования ее ресурсов. При этом важна вся совокупность средств, правомерные действия всех субъектов, влияющих на достижение этой цели в рамках международных экологических отношений.

Мы согласны с профессором Вайс в том, что наличия действующих норм недостаточно, но исключительно важно одновременно отмечать, что законность (верховенство права) требует понимания и наличия действующих норм всех уровней (договорных, обычных, законодательных, подзаконных). Прямой зависимости между количеством норм и действенностью, эффективностью нет, но без них возможен произвол. Б.Л. Зимненко предлагает национально-правовую имплементацию через термин «реализация» не только в узком смысле, но и в широком, подразумевая под «реализацией» норм международного права принятие государством как мер, непосредственно предусматриваемых в источнике международного права, так и иных мер, в том числе правового характера, которые, в свою очередь, по тем или иным причинам не были определены в источнике международного права, но осуществление которых необходимо для надлежащего обеспечения государством своих международно-правовых обязательств²¹. Отсюда создание комплиментарной вертикали норм интерэкоправа и формирование их понимания – одна из важнейших задач нормотворчества и юридического сообщества. Ее решение также достигается через нормативное руководство правоприменением. Увы, важность этой задачи профессор здесь не отмечает. Ее решают, в том числе, рекомендательные документы, например, положения, разработанные в помощь для имплементации Европейского кодекса поведения в отношении предотвращения образования космического мусора²², которые обеспечивают пользователей правовым инструментарием, необходимым для практической реализации требований данного Кодекса²³.

Существует более общий и глубокий уровень толкования, отраженный в отечественной учебной²⁴ и энциклопедической литературе²⁵, согласно которому нормы интерэкоправа – это «формы объективно существующего правосознания, а не то, что появляется в результате “согласования воли”» (или иных методов нормотворчества, например, во внутрисоветском законодательстве). Тем более очевидна важность работы системы правовых норм во всей совокупности ее элементов. «Норма права – это социальная норма. Само установление нормы материального права представляет собой лишь выражение воли законодателя. Для того чтобы эта воля была осуществлена, необходимы относящиеся к той же системе права нормы формального права [в том числе процессуального – прим. Е.В.], которые устанавливают организационные и процедурные формы, обеспечивающие правильность функционирования всей системы»²⁶.

Во введении профессор отмечает, что «общеизвестны 13 предположений, которые при более детальном рассмотрении оказываются либо мифами, либо применимы только при определенных тщательно выдержанных условиях. Эти допущения есть “чертова дюжина мифов”. Они отражают эмпирический опыт изучения 5 соглашений и 8 государств плюс Европейского Союза²⁷, а также других исследований в области интерэкоправа и в целом в международном праве».

Миф первый: все страны полностью исполняют свои международные обязательства или страны никогда не исполняют свои международные обязательства.

Миф предполагает, что страны полностью или в значительной мере соблюдают международные соглашения, к которым они присоединились. Они не присоединились бы к соглашениям, если бы не собирались его соблюдать. Однако реальность такова, пишет Э.Б. Вайс, что ни одна страна полностью не исполняет своих правовых обязательств. В лучшем случае страны исполняют большинство своих международных обязательств²⁸. Они могут полностью соблюдать определенные обязательства в договоре, такие как отчет о действиях, которые должны быть осуществлены к определенной дате или

21 Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. – М., 2010. – С. 63. – Цит. по: Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. – М., 2011. – С. 104.

22 Revised Draft Code of Conduct for Outer Space Activities. Brussels, 11 October 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/st14455.en10.pdf>.

23 Шемшученко Ю.С. Международно-правовая охрана космической среды от техногенного загрязнения // В кн.: Международное экологическое право / Отв. ред. Р.М. Валеев. – М., 2012. – С. 160.

24 Копылов М.Н. Источники международного экологического права // В кн.: Международное экологическое право / Отв. ред. Р.М. Валеев. – М., 2012. – С. 66.

25 Высторбец Е.А. Правовая норма (см.: протонорма) // Экологическая энциклопедия: В 6 т. / Редкол.: В.И. Данилов-Данильян, К.С. Лосев и др. – М., 2011. – Т. 5. П-С. – С. 110–113.

26 Бжезинский В. Правовая охрана окружающей среды / Пер. с польского Н.Г. Прудковой, Г.Б. Рабиновича; под ред. и со вступ. ст. О.С. Колбасова. – М., 1979. – С. 232. (Brzezinski W. Ochrona prawna naturalnego srodowiska czlowieka. – Warszawa, 1975).

27 Оценивается соблюдение пяти соглашений, включая: Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., Конвенцию о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г., Международное соглашение по тропической древесине 1983 г., Конвенцию по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г. (Лондонская конвенция), Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой 1997 г. – восьмью такими странами, как: Бразилия, Камерун, Китай, Венгрия, Индия, Япония, Советский Союз/Российская Федерация, Соединенные Штаты, Европейский Союз.

28 См. Chayes A. H., Chayes A. The New Sovereignty: Compliance With International Regulatory Agreements. – Cambridge, 1995; Jacobson H.K., Weiss E.B. Assessing the Record and Designing Strategies to Engage Countries // in: Engaging Countries: Strengthening Compliance with International Environmental Accords / Ed. by H.K. Jacobson, E.B. Weiss. – Cambridge MA, 2000; Weiss E.B., Jacobson H.K. Why Do States Comply with International Agreements? // 1 Human Dimensions Q. 1. – 1966; Mitchell R.B. International Oil Pollution at Sea: Environmental Policy and Treaty Compliance. – Cambridge MA, 1994. – Цит. по: Э.Б. Вайс.

об уменьшении выбросов парниковых газов к установленному сроку, но они могут не полностью соблюдать другие обязательства, касающиеся, например, обеспечения финансовой помощи в том размере, о котором они договорились или же определенного времени. Некоторые развивающиеся страны могут не соблюдать определенное соглашение, потому что ответственное министерство может не знать, что страна является участником соглашения. Более того, государства могут не иметь возможности исполнять определенные пункты соглашения, даже если они этого хотят²⁹.

Миф, противоположный мифу о полном соблюдении, заключается в том, что государства совершенно не соблюдают все свои международные обязательства. Так как нет международного суда или международной полиции, чтобы принудить соблюдать международные соглашения, люди не должны ожидать, что государства будут их исполнять. Однако опыт опровергает этот миф. Международное эмпирическое исследование соблюдения соглашений обнаружило, что восемь государств и Европейский союз предпринимали определенные шаги для исполнения всех пяти соглашений, однако степень исполнения заметно отличалась среди стран по одним и тем же соглашениям³⁰.

Исследование соблюдения экологического права в Соединенных Штатах и в Соединенном Королевстве обнаружило то, что его соблюдение находится ниже желаемого уровня³¹. По аналогии, страны могут иметь проблемы с полным соблюдением их международных обязательств, большинство из которых зависят от внутреннего законодательства и подзаконного нормотворчества, от того, насколько они применяются в стране.

Исследование, проведенное Э.Б. Вайс, выявило, что степень соблюдения возрастает при более продолжительном действии соглашения. Общее, верное наблюдение. В целом же миф первый основан на том, что якобы соблюдение почти целиком зависит от отдельных государств-участников соглашений. Соблюдение, напротив, связано с механизмом соблюдения и мерами соблюдения (на разных уровнях)³², а наиболее существенными принципами в связи с соблюдением являются

взаимно производные, взаимодополняющие принцип добросовестности и принцип *pacta sunt servanda*³³.

Миф второй: имплементация, соблюдение, принуждение к исполнению и действенность являются взаимозаменяемыми терминами, которые имеют одинаковый смысл.

«Термины “имплементация”, “соблюдение”, “принуждение к исполнению” и “действенность” часто используются как синонимы, предполагается, что они имеют отношение к сходному поведению или создают одинаковый эффект», – пишет Э.Б. Вайс. Например, говоря о соблюдении международного соглашения, можно иметь в виду, что соглашение соблюдается и в то же время оно действенно.

«В реальности, – поясняет профессор, – эти термины представляют разные понятия и имеют различные значения. “Имплементация” международного соглашения относится к действиям, которые принимаются с целью реализации внутренних обязательств по соглашению: принятие закона или подзаконных нормативных актов, судебных постановлений или совершение иных действий. Большинство договоров, особенно в экологической сфере, несамореализуемы и требуют национального законотворчества или подзаконных актов для того, чтобы они имели силу закона в стране.

В международных правовых исследованиях иногда предпринимается попытка провести оценку соблюдения международных соглашений исключительно через: 1) сосредоточение внимания на том, реализуется ли национальное законодательство или подзаконные акты и 2) определение соответствия внутренних мер обязательствам по соглашению»³⁴.

Можно согласиться с тезисом Э.Б. Вайс как с отрицанием ограничительного подхода, если под «совершением иных действий» понимать создание комплекса условий на различных уровнях, как единство правотворческой, организационно-распорядительной и иной деятельности участников. Согласно отечественной доктрине «под имплементацией в широком смысле понимается реализация международно-правовых и внутригосударственных норм во исполнение норм международно-правовых, а также создание на международном и внутригосударственном уровне условий для такой реализации»³⁵. Отечественные юристы³⁶ выделяют стадии имплементации: 1) выражения согласия на обязательность договора; 2) введения международного договора в силу; 3) исполнения; но при этом не отрицается и возможность прямого действия договора³⁷.

29 Возможность соблюдения международных обязательств зависит от выделенного финансирования, кадров, переподготовки кадров и других административных составляющих. Например, Камерун испытывал серьезные трудности по соблюдению своих международных обязательств, несмотря на демонстрируемые им намерения принимать меры; Shihata I.F.I. Implementation, Enforcement and Compliance with International Environmental Agreements – Practical Suggestions in Light of the World Bank's Experience // International Environmental Law Review. – 1996. – Vol. 9. – P. 37. – Цит. по: Э.Б. Вайс.

30 См. Chayes A.H., Chayes A. The New Sovereignty: Compliance With International Regulatory Agreements – Cambridge, 1995. – Цит. по: Э.Б. Вайс.

31 Hawkins K. Environment and Enforcement: Regulation and the Social Definition of Pollution. – Oxford, 1984. – P. 105–128; Clifford R., et al. Enforcing Pollution Control Laws. – Washington, DC, 1986; Vogel D. National Styles Of Regulation: Environmental Policy In Great Britain And The United States. – Ithaca, London, 1986. – P. 146–159. – Цит. по: Э.Б. Вайс.

32 Скрипник И.И., Солнцев А.М. Международный механизм соблюдения государствами обязательств по управлению охраняемыми природными территориями // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 224–240; Высторобец Е.А. Проблемы выполнения международных природоохранных договоров / Актуальные вопросы российского права: сб. науч. трудов. – Вып. 3 / Отв. ред. Ю.Е. Винокуров. – М., 2006. – С. 113–123; Высторобец Е.А. Механизмы применения и контроля за соблюдением международно-правовых актов в области охраны окружающей среды и рационального природопользования // Сборник материалов учебно-методического курса Закон и защита общественных экологических интересов. 26.10-01.11.2000. – Уфа, 2000. – С. 84–89.

33 Высторобец Е.А. Лукашукские чтения как взгляд на интерэко-право // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия Юридические науки. – 2011. – № 3 (9). – С. 184. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://miel.narod2.ru/interecolaw_drafts/WystorobetsLukashuk_q.pdf.

34 Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora, opened for signature Mar. 3, 1973 // 27 U.S.T. 1087, 993 U.N.T.S. 243 [hereinafter CITES]; Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora, Decisions of the Ninth Meeting of the Conference of Parties, (last modified Dec. 12, 1997) (discussing the implementation of CITES through national legislation and commissioning a study on the effectiveness of CITES). – Цит. по: Э.Б. Вайс.

35 Словарь международного права / Отв. ред. Б.М. Клименко. М., 1986. – С. 101–102. – Цит. по: Сафин З.Ф., Зиннатуллин А.З. Внутригосударственные акты Российской Федерации по охране окружающей среды // В кн.: Международное экологическое право / Отв. ред. Р.М. Валеев. – М., 2012. – С. 625.

36 Игнатенко Г.В. Советское законодательство и международные договоры: опыт, тенденции и проблемы взаимодействия // Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 72.; Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. – М., 2011. – С. 105.

37 Колбасов О.С. Международно-правовая охрана окружающей среды. – М., 1982. – С. 150.

Далее профессор Вайс отмечает: «Понятие соблюдения включает имплементацию и является более широким. Соблюдение сосредотачивается не только на том, в силе ли меры, предпринимаемые для имплементации, но также и на том, осуществляются ли предусмотренные ими действия по имплементации. Соблюдение также измеряет степень выполнения мер по имплементации и обязанностей теми субъектами, на которых направлено определенное соглашение: правительственные союзы, корпорации, организации и граждане. Понятие «соблюдение» намного шире, чем принуждение к исполнению, потому как оно уделяет внимание способам привлечения стран к соблюдению их обязательств, а не только тому, как устранять нарушения после того как они произошли. В этом смысле стратегия соблюдения направлена на предотвращение конкретных проявлений несоблюдения».

В трех предложениях профессор поместила разноположенные мысли, попыталась охватить все и сразу. Едва ли при контроле соблюдения международного договора настанет очередь вопроса о выполнении гражданами мер по имплементации. Тем не менее, предложение профессора ценно. Следует признать предпочтительным понимание «соблюдения», как понятия более объемного по отношению к «выполнению», «исполнению», а также разработку механизма контроля соблюдения всеми субъектами. Но такой механизм – вопрос будущего. Сегодня, оставаясь на позициях умеренного монизма, для характеристики соблюдения имеют значение следующие признаки: 1) соответствие договора принципам Устава ООН. Ранее существовало правило *quamvis coactus volui at tamen volui* (пожелал, будучи принужденным, тем не менее, пожелал); 2) применима ли оговорка о неизменности условий. Например, договор мог не учитывать выработанные к настоящему времени и общепризнанные принципы интерэкоправа, а посему его соблюдение осуществляется с учетом правомерных интересов, а не из буквального толкования его положений³⁸; 3) взаимность; 4) выполнение в соответствии с положениями; 5) принятие всех необходимых мер к выполнению своих обязательств как во внешней, так и во внутренней сфере, включая правовую, и, особенно, исключение действий, которые противоречат договору. Договор может касаться третьих государств³⁹; 6) добросовестность, создание благоприятных условий; 7) следование духу (цели) договора и юридически, и фактически; применение договора не должно ограничиваться лишь буквальным содержанием его постановлений, и другие признаки.

Понятие соблюдения означает, прежде всего, приоритет международного права над законом. Оно включает в себя содержание выполнения соглашения, которое определено в Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»⁴⁰: «Международные

договоры Российской Федерации подлежат добросовестному выполнению в соответствии с условиями самих международных договоров, нормами международного права, Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, иными актами законодательства Российской Федерации. Российская Федерация до вступления для нее международного договора в силу воздерживается с учетом соответствующих норм международного права от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели» (пункты 1, 2 ст. 31).

Далее Э.Б. Вайс отмечает важность разграничения между соблюдением процедур, основным соблюдением (*substantive compliance*) и соблюдением духа соглашения. Процедурное соблюдение, согласно автору, означает, что государства должны представлять отчеты, составленные определенными государственными органами или по-другому следовать процедурным обязательствам соглашения. «Основное соблюдение означает исполнение таких обязательств, которые содержат целевые показатели и сроки ограничения выбросов конкретных загрязняющих веществ, обязательства по сохранению определенных местообитаний, а также обязательства по обеспечению технической и финансовой помощи. Государство может соблюдать процедурные обязательства, но не основные обязательства или наоборот. Государства могут соблюдать основные обязательства, потому что требуемые действия ими принимались еще до принятия соглашения, они могут не делать "добавочных" шагов по соблюдению процедурных обязанностей, таких как представление ежегодного отчета об исполнении (обязательств) по международному соглашению. Государства могут соблюдать определенные обязательства по соглашению, но не дух соглашения. Например... если индустриализованная страна значительно увеличивает выброс парниковых газов после того, как она стала участником Киотского протокола, но до определенного для нее периода целевого сокращения, технически она не нарушает протокол, но она нарушает его дух».

Данное наблюдение затрагивает важный вопрос о необходимости сохранения режима соблюдения договора путем принятия всех возможных и целесообразных мер по выполнению обязательств. Что касается духа договора, то маловероятно, что комитет по соблюдению или другие субъекты в рамках процедуры несоблюдения могут правомерно зафиксировать несоблюдение договора, если обязательства по нему выполнены. Нет правонарушения, нет и ответственности (*responsibility*). В этом случае речь может идти не о несоблюдении конкретного договора, а об ответственности за действия, не запрещенные международным правом, за ущерб (*liability*).

«Принуждение к исполнению», согласно Э.Б. Вайс, относится к действиям, которые принимаются против нарушений. «Обычно оно ассоциируется с доступным спектром формальных процедур урегулирования споров и назначения штрафов, санкций или других принудительных мер для того, чтобы побудить к соблюдению в соответствии с обязательствами. Принуждение к исполнению – это часть процесса соблюдения».

Существование ответственности, не связанной с принуждением, убедительно доказано Д.С. Боклан. Доцент Д.С. Боклан отмечает: «Международно-правовая ответственность может быть реализована и без применения мер принуждения»⁴¹.

38 В практике Международного Суда подтверждения этого подхода, например, обнаруживает Дело «Железный Рейн» (о распределении расходов на возобновление движения по исторической железной дороге, возникающих, в том числе, из обязанности осуществлять природоохранные меры) [из Бельгии через Нидерланды в Германию] (Бельгия/Нидерланды). Арбитражное решение (исправленное) от 24.05.2005 – Iron Rhine Arbitration (Belgium/Netherlands) – Award of the arbitral tribunal dated May 24, 2005 (corrected) (President Judge Rosalyn Higgins) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.pca-cpa.org/showfile.asp?fil_id=377 и многие другие.

39 См.: Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. – М., 2006. – Т. 2. Действие международных договоров. – С. 15.

40 Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» в ред. от 25.12.2012 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – 17 июля. – № 29. – Ст. 2757.

41 Боклан Д.С. Международно-правовая ответственность за трансграничный ущерб, причиненный окружающей среде при правомерной реализации международных экономических отношений. – М., 2012. – С. 25.

Действительно, ответственность – объективная обязанность, а принуждение – одно из ее возможных правовых последствий. Это не одно и то же⁴². А если возможна ответственность без принуждения, то и принуждение к исполнению не является обязательной частью процесса соблюдения. Полагаем, что англоязычный термин *enforcement* (принуждение к исполнению) следует понимать не в узком смысле, как принудительные меры, как предлагает профессор Вайс, а также и в широком смысле, как формы соблюдения договора со стороны уполномоченных органов государства и/или международной организации, выражающиеся в своевременном, полном, однозначном, открытом, адресном принятии всех возможных и целесообразных мер.

Следующий термин помогает понять различие между значениями двух графически сходных англоязычных понятий – действенный (*effective*) и эффективный (*efficient*).

«Действенность» (*effectiveness*) помогает понять, достигнута ли цели соглашения, или в более общем плане, действенно (*effective*) ли соглашение для решения той проблемы, из-за которой оно было принято. Действенность не обязательно всегда соотносится с соблюдением – отмечает Э.Б. Вайс.

Конвенция о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), оценена в плане действенности контроля международной торговли находящимися под угрозой видами. Оценка осуществляется Э.Б. Вайс через опросы, в ходе которых выясняется, имеют ли экспортеры и импортеры находящиеся под угрозой видов необходимые разрешения, содержат ли разрешения требуемую информацию и нет ли фальсификаций, назначили ли стороны научные органы в области международной торговли, предоставляют ли своевременно и полно отчет о своей торговле для облегчения мониторинга и связанных с ним вопросов. Конвенция СИТЕС критикуема за свою действенность (*effectiveness*) по контролю международной торговли находящихся под угрозой исчезновения видов⁴³.

В качестве аргументов, ставящих под сомнение действенность СИТЕС, профессор приводит ссылки на работы Патриции Бирни, а также Майкла Гленнона. Но выводы этих авторов не категоричны. П. Бирни отмечает, что государства – члены СИТЕС, которые стремятся возобновить торговлю видами (так называемый «блок потребителей»), в частности, касательно африканских слонов, считают, что использование видов обеспечивает как стимулы для местных жителей в целях сохранения видов, так и финансовые средства с целью улучшения работы по принуждению к соблюдению и работы таможенных служб⁴⁴. М. Гленнон подчеркивает критику оговорок Великобритании в отношении моратория на импорт слоновых

бивней⁴⁵. В обоих случаях авторы говорят о совершенствовании соблюдения, о режиме и механизмах Конвенции, об их конструктивной адаптации к изменяющимся условиям, но не о потенциале этого договора, не о том, что он не способен служить достижению своей цели.

Согласно Э.Б. Вайс, вторая причина сомнений относительно эффективности СИТЕС, даже если Конвенция полностью выполняется, заключается в сохранении биологического разнообразия, что является основной целью соглашения. Этим вопросом оценивается действенность управления международной торговлей определенными видами в качестве меры по их охране. Согласно СИТЕС, например, эти виды могут потребляться или даже уничтожаться без нарушения данного соглашения. Это привело некоторых критиков к тому, чтобы сфокусироваться на Конвенции о биологическом разнообразии⁴⁶ и соглашениях о сохранении местообитаний как на потенциально более действенных инструментах для сохранения видового разнообразия.

Здесь профессор расширительно толкует цель Конвенции, которая состоит в установлении режима торговли. Не может один специальный договор решить универсальную проблему, он вносит вклад в ее решение в своей части. Первостепенная задача СИТЕС – «работать на таможенных границах». Несмотря на то, что отдельные положения Конвенции нуждаются в мерах, принимаемых государствами на своей территории, в силу достаточно единообразного понимания ее положений, СИТЕС нам представляется одним из наиболее действенных интерэкоправовых договоров.

Профессор далее пишет: «В то время как соблюдение предполагает повышение действенности, а эмпирические данные свидетельствуют об этой связи, эта связь может "развязаться". Например, страна может ограничить уничтожение исчезающих видов растений с помощью элементов управления землепользованием и обеспечить стимулы для своего населения по защите видов через развитие туризма или продвижение товарной продукции, связанной с этими редкими видами, но не находится в режиме соблюдения Конвенции, контролируя торговлю через свои границы. Как было указано выше, может существовать и обратное положение: страна может находиться под торговым контролем в рамках СИТЕС, но также может осуществлять политику по снижению численности видов внутри страны».

Приводимые примеры не связаны ни с самим договором, ни с его действенностью. Очевидно, что чем выше соблюдение, тем полнее раскрывается потенциал договора, а его действенность воплощается в реальных результатах. Попытки критики какого-либо соглашения без конструктивных предложений контрпродуктивны. Второй миф о якобы тождестве четырех различных понятий полезен для привлечения внимания к разработке их содержания, но как равнозначные они не могут пониматься, подобное заблуждение маловероятно, хоть Э.Б. Вайс и берет его за основу.

42 Анисимов А.П., Высторобец Е.А. Ответственность в интерэкоправе: отклик на монографию Д.С. Боклан 2012 года // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 3 (58). – С. 69.

43 Birnie P. The Case of the Convention on Trade in Endangered Species // In: *Enforcing Environmental Standards: Economic Mechanisms as Viable Means?* / Ed. by R. Wolfrum. – Springer-Verlag, 1996; Glennon M.J. Has International Law Failed the Elephant? // *American Journal of International Law*. – 1990. – Vol. 84. – 1, 17 n. 150. – Цит. по: Э.Б. Вайс.

44 Patricia B. The Case of the Convention on Trade in Endangered Species // In: *Enforcing Environmental Standards: Economic Mechanisms as Viable Means?* / Ed. by R. Wolfrum. – Springer-Verlag, 1996. – P. 233, 241. – Cited from: Fuchs Ch. *Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES) – Conservation Efforts Undermine The Legality Principle* // *German Law Journal*. – 2008. – Vol. 9. – № 11. – P. 1567 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.germanlawjournal.com/pdfs/Vol09No11/PDF_Vol_09_No_11_1565-1596_Articles_Fuchs.pdf.

45 Glennon M.J. Has International Law Failed the Elephant? // *American Journal of International Law*. – 1990. – Vol. 84. – 1, 17 n. 150. – Cited from: Storey P.F. *Development vs. Conservation: The Future of the African Elephant* // *William & Mary Environmental Law and Policy Review*. – 1994. – № 18 (375). – P. 375–376 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://scholarship.law.wm.edu/wmelpr/vol18/iss2/5>.

46 Конвенция ООН о биологическом разнообразии 1992 года (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1996. – № 9. – С. 3–28 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml.

Миф третий: обязывающие соглашения всегда предпочтительнее необязывающих, потому что страны лучше соблюдают обязательные соглашения, чем рекомендательные.

В международно-правовой литературе обязывающие соглашения рассматриваются как главный источник международного права⁴⁷. «В самом деле, — пишет Э.Б. Вайс, — Статут Международного Суда называет международные соглашения в качестве первого источника международного права»⁴⁸. Необязательные правовые инструменты либо не рассматриваются в качестве источников, либо рассматриваются как вспомогательные источники, которые могут способствовать появлению юридически обязательных документов (инструментов). «Предполагается, — поясняет автор, — что страны соблюдают обязывающие соглашения, но не "добровольные" акты, которые иногда рассматриваются в качестве "мягкого права"»⁴⁹; поэтому обязывающие соглашения предпочтительнее. Эта проблема проявилась во многих переговорах 1990-х годов, в том числе по соглашениям о трансграничных рыбных запасах и запасах далеко мигрирующих рыб⁵⁰, об ограничении выбросов парниковых газов⁵¹ и о сохранении лесов⁵². «В первых двух случаях были заключены обязывающие соглашения; в последнем страны предпочли необязывающие меры», — отмечает профессор.

«Довольно часто договоры разрабатываются на основе неправовых актов, актов "мягкого права", которые подготавливают почву для четких международно-правовых обязательств. Как известно, Стокгольмская декларация и Всемирная хартия природы сыграли роль катализаторов в процессе создания целого ряда международных договоров в области защиты окружающей среды»⁵³.

Необязывающие инструменты в настоящее время применяются во многих сферах международного права, среди которых автор называет те, которые затрагивают окружающую среду, права человека⁵⁴, труд⁵⁵, финансы и в меньшей степени

контроль вооружений и торговлю. Лондонские руководящие принципы обмена информацией о химических веществах в международной торговле Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП)⁵⁶, Международный кодекс поведения в области распределения и использования пестицидов (кодекс о пестицидах) Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО)⁵⁷, многие руководящие принципы, принципы и рекомендуемая практика ЮНЕП или Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) — все они являются важными или необязательными, или не полностью обязательными источниками права.

Действительно, первоначальная процедура предварительного обоснованного согласия (ПОС) была установлена Советом управляющих Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) на его 15-й сессии (решение 15/30 от 25 мая 1989 г.) и Конференцией Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) на ее 25-й сессии (резолюция 6/89 от 29 ноября 1989 г.). Совет управляющих ЮНЕП включил процедуру ПОС в отношении пестицидов и других химических веществ, которые запрещены или строго ограничены, в измененные Лондонские руководящие принципы обмена информацией о химических веществах в международной торговле. ЮНЕП и ФАО совместно осуществляли эту первоначальную процедуру ПОС, которая действовала до принятия Роттердамской конвенции о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле 10 сентября 1998 г.⁵⁸ В 2002 г. ФАО приняла пересмотренный и обновленный текст Кодекса, который стал фундаментальной основой для реализации Роттердамской конвенции⁵⁹.

«Необязывающие правовые инструменты устанавливают нормы, которые государства и другие субъекты могут соблюдать, даже несмотря на то, что они не так строго того требуют. Они создают ожидания, которые влияют на поведение субъектов, и помогают избежать возникновения спорных вопросов. "Мягкое право" существует во многих формах: декларациях, хартиях, инструкциях, резолюциях, кодексах поведения и решениях международных организаций (как общих, так и специальных). Термин "мягкое право" также используется, чтобы охарактеризовать положения обязывающих соглашений, которые больше побуждающие, нежели обязывающие»⁶⁰.

Государства договариваются на условиях "мягкого права" по многим причинам. Зачастую это первый шаг для заклю-

47 Henken L. et al. International Law Cases and Materials: American Casebook. — 3rd ed. — West Publishing Co., 1993; Carter B.E., Trimble Ph.R. International Law. — 2d ed. — Little, Brown, 1995. — Цит. по: Э.Б. Вайс.

48 Статут Международного Суда (г. Сан-Франциско, 26.06.1945). Статут является частью Устава ООН // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. — М., 1956. — С. 47–63.

49 Э.Б. Вайс приводит примеры распространения термина среди европейских юристов: Dupuy P.-M. Soft Law and the International Law of the Environment // Michigan Journal of International Law. — 1991. — Vol. 12. — P. 420; Wellens K.C., Borchardt G.M. Soft Law in European Community Law // European Law Review. — 1989. — Vol. 14. — P. 267.

50 Соглашение об осуществлении положений Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими 1995 г.

51 Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата 1997 года (г. Киото, 11.12.1997) // Бюллетень международных договоров. — 2005. — № 5. — С. 3–23.

52 Резолюция ГА ООН. Не имеющее обязательной силы заявление с изложением принципов для глобального консенсуса в отношении рационального использования, сохранения и устойчивого развития всех видов лесов. 3–14 июня 1992 г. («Лесные принципы») [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/CONF.151/26/Rev.1\(Vol.I\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.I)).

53 Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. — М., 2006. — Т. 1. — С. 274.

54 Например, пишет Э.Б. Вайс, необязывающие соглашения в области прав человека послужили основой для принятия впоследствии обязывающих соглашений. См.: Всеобщая декларация прав человека 1948 года (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. — 1995. — 05 апреля. — № 67; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 (вступил в силу 23.03.1976) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 (вступил в силу 03.01.1976) // Бюллетень ВС РФ. — 1994. — № 12.

55 Э.Б. Вайс дополнительно сообщает, что Международная Организация Труда (МОТ), Европейский союз, Организация по экономи-

ческому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) и частные компании приняли ряд важных необязывающих соглашений в области трудовых отношений. Особенно МОТ разработала систему необязывающих соглашений, включая формальные декларации принципов, рекомендации, кодексы практики и руководства.

56 Лондонские руководящие принципы обмена информацией о химических веществах в международной торговле // U.N. Doc. UNEP/PIC.WG.2/4. — 1989 (25 May).

57 Международный кодекс поведения в области распределения и использования пестицидов Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) 1985 года, 11.2002 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.fao.org/fileadmin/templates/agphome/documents/Pests_Pesticides/Code/CodeRussian.pdf.

58 Вопросы, связанные с упразднением временной процедуры предварительного обоснованного согласия от 10.07.2000 // Док. ЮНЕП, ФАО. UNEP/FAO/PIC/INC.7/12.

59 Гизатуллин Т.И. Международный контроль за трансграничной перевозкой опасных отходов // В кн.: Международное экологическое право / Отв. ред. Р.М. Валеев. — М., 2012. — С. 424.

60 Szasz P.C. International Norm-Making // In: Environmental Change and International Law // Ed. by E.B. Weiss. — Tokyo, 1993.

чения обязывающих соглашений. В других случаях "мягкое право" является средством достижения согласия (консенсуса) по определенному вопросу, прежде чем приступить к официальным переговорам о заключении договора. Например, резолюция Организации Объединенных Наций по морскому дну как "общему наследию человечества" была принята до переговоров о Конвенции ООН по морскому праву⁶¹.

Необязывающие инструменты, в соответствии с Э.Б. Вайс, обеспечивают гибкость в адаптации к изменяющимся условиям. Государства могут предпочесть необязывающие инструменты, потому что им не нужно убеждаться в том, что национальное законодательство полностью им соответствует, особенно если законодательные изменения не были приняты Конгрессом или Парламентом. В некоторых случаях государства не хотят связывать себя обязательствами по имплементации обязывающего соглашения. «"Мягкое право" особенно полезно, когда трудно достичь согласия по конкретным юридическим обязательствам. Заключить соглашение в форме создания инструмента "мягкого права" обычно считается проще, издержки при этом ниже, и выше вероятность внести в него детальную стратегию, которую при необходимости просто модифицировать. Особенно с появлением новых экологических проблем, многие из которых касаются тысяч субъектов по всему миру, инструменты "мягкого права", которые посылают важные сигналы о том, как страны должны себя вести, продолжают оставаться полезными»⁶².

Примечательно наблюдение, характерное для 1999 г., о междисциплинарном различии в ожиданиях относительно соблюдения необязывающих инструментов. Юристы обычно предполагают, что соблюдению способствуют обязывающие инструменты, в то время как политологи не уверены, что «обязывающий» характер обязательства неотвратимо влияет на то, будет ли страна его соблюдать⁶³. Связывающая природа обязательств, однако, может отражать другие факторы, так что закономерности соблюдения обязывающих и необязывающих инструментов могут отличаться⁶⁴.

Сегодня концепция «мягкого права» получила развитие и обоснование, появилась «теория гибридности»⁶⁵. Рекомендательные инструменты служат средством проведения политики регулирования отношений, средством унификации правовых режимов.

Юристы часто указывают на имеющиеся средства правовой защиты для обеспечения соблюдения обязывающих соглашений, такие как судебный и иные методы разрешения споров, которые являются важной отличительной чертой обя-

зывающих соглашений, что в свою очередь влияет на соблюдение. Но есть и другие способы, обеспечивающие соблюдение, которые могут применяться как к обязывающим, так и к необязывающим инструментам. Эти способы, или стратегии, включают в себя различные финансовые, дипломатические и другие стимулы или угрозы, а также принудительные меры. Кроме того, институциональная структура по оказанию помощи странам и неправительственным организациям по контролю за соблюдением может быть столь же важной, как и обязывающие инструменты. Например, успех в обеспечении соблюдения положений о правах человека необязывающего Хельсинского Заключительного акта был обусловлен в значительной мере продолжительностью переговоров по его осмыслению членами Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Участники тщательно рассматривали соблюдение положений и оценивали давление, оказываемое со стороны правительств и неправительственных организаций. Обязывающие соглашения, однако, могут обеспечивать формальное урегулирование споров и могут потребовать от сторон участия в других процедурах, направленных на повышение подотчетности. Это, в свою очередь, может повысить соблюдение.

Как верно подмечает Э.Б. Вайс, актуально исследование внутреннего соблюдения неофициальных социальных норм и частных соглашений. В «Порядке без закона»⁶⁶ Роберт Эликсон описывает как фермеры, разводящие крупный рогатый скот, развивают и укрепляют нормы поведения между собой, не полагаясь на государство. Ученые и общественные деятели в области договорного права в Соединенных Штатах отмечают, что реляционная установка и желание поддерживать постоянные отношения в большей степени способствуют обеспечению соблюдения, чем существование договорного права⁶⁷. «Исследование неформальных социальных норм и договорного права показывает, что при определенных условиях необязывающие инструменты могут исполняться на том же уровне, что и обязывающие. Обжалование в судебном порядке, связанное с обязывающими соглашениями, иногда может быть несущественным для соблюдения, по крайней мере, для некоторых соглашений и стран».

Говоря об инициативе принятия Всеобщей декларации об охране и улучшении природной среды человечества, В.А. Чичварин соглашается с мнением академика И.П. Герасимова о том, что «именно таким образом может и должна быть установлена международная правовая основа для моральных и юридических норм ответственного отношения всех людей к окружающей природе и использованию ее ресурсов»⁶⁸.

Рассмотренный Э.Б. Вайс миф связан с изменением правовых механизмов и отказом от применения исключительно обязывающих норм. Своеобразие микроструктуры интерэко-права наглядно проявляется на примере третьего звена норм. Санкции в общеправовом смысле здесь практически нет. Это правовая рефлексия всего человечества, обращенная на экологические проблемы. Какая ответственность соразмерна

61 Декларация принципов, регулирующих режим дна морей и океанов и его недр за пределами действия национальной юрисдикции от 17.12.1970 // A/RES/2749 (XXV).

62 Weiss E. B. Introduction // In: International Compliance with Nonbinding Accords / Ed. by E.B. Weiss. – Washington DC, 1997.

63 Haas P.M. Why Comply, or Some Hypotheses in Search of An Analyst, in: International Compliance with Nonbinding Accords / Ed. by E.B. Weiss. – Washington DC, 1997.

64 Lipson Ch. Why Are Some International Agreements Informal? // International Organisation. – 1991 (Autumn). – Issue 4. – Vol. 45. – P. 495.

65 Trubek D.M., Cottrell P., Nance M. «Soft Law», «Hard Law», and European Integration: Toward a Theory of Hybridity / University of Wisconsin-Madison // New Governance and Constitutionalism / Ed. by G. de Búrca, J. Scott. – Hart, 2005. – P. 65–94; European Law Journal. – 2005. – (4/21) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://law.wisc.edu/facstaff/trubek/hybriditypaperapril2005.pdf>; Heyvaert V. Hybrid Norms in International Law / London School of Economics and Political Science, Law Department; LSE Law, Society and Economy Working Papers. – 2009. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://eprints.lse.ac.uk/23586/1/WPS2009-06_Heyvaert.pdf.

66 Ellickson R. Order Without Law: How Neighbors Settle Disputes. – Cambridge, 1991.

67 Macaulay S. Non-Contractual Relations in Business: A Preliminary Study // American Sociological Review. – 1963. – Vol. 28. – P. 55; Macneil I.R. Relational Contract: What We Do and Do Not Know // Wisconsin Law Review. – 1985. – Vol. 5. – P. 483.

68 Герасимов И.П. Рациональное использование и сохранение ресурсов биосферы // Вестник Академии наук СССР. – 1969. – № 3. – С. 89. – Цит. по: Чичварин В.А. Охрана природы и международные отношения. – М., 1970. – С. 13.

уничтожению биологического вида? Разве у аппарата принуждения, например, в уголовной юстиции есть правовой выбор, если решение суда вступило в законную силу?⁶⁹ Но у государств и международных организаций и других субъектов выбор есть. Он заключается в возможности действовать в публичных экологических интересах. Международные экологические отношения многообразны и не урегулированы детально. По этим причинам рекомендательные инструменты, подготавливающие почву для принятия обязывающих договоров, типичны для интерэкоправа.

Чтобы повысить действенность интерэкоправа, необходимо связать *jus cogens*, *erga omnes*, метапринципы интерэкоправа и трансграничный вред. Это задача будущего. Тем временем, для правового применения «мер импульсов» необходима их научная разработка юристами, основанная на юридической логике, технике и выполненная в юридической форме. В число форм «мер импульсов» входят: прекращение деяния, причиняющего трансграничный вред; сатисфакция (принесение извинений; выражение сожаления, сочувствия или соболезнования; дезавуирование действий официальных представителей; возложение обязанности материального возмещения на лиц, причастных к экстраординарному трансграничному воздействию, и/или их уголовное или административное преследование; заверения о неповторении; издание законов об обеспечении соблюдения международных принципов и норм; признание судом факта, символическая выплата); ресторация, реторсия (в том числе национализация), субституция, возмещение ущерба (реституция, компенсаторная

реституция, компенсация); гарантии неповторения; санкции (меры принуждения); контрмеры (прекращение или ограничение действия обязательства, другие специальные меры обеспечения); правомерная репрессия, репрессалии (наказание, эмбарго, ограничение или прекращение видов транспортного и информационного сообщения, дипломатических отношений); временная оккупация, а также формы внесудебного урегулирования: переговоры, консультации, согласительные комиссии, компенсация *ex gratia*; «мобилизация общественного стыда»; формирование избирательной покупательской позиции; и др.⁷⁰ Говоря об исследовании внутреннего соблюдения неофициальных социальных норм и частных соглашений, профессор Вайс предвосхищает появление транснационального экологического права, но эти вопросы выходят за рамки данного отклика, в связи с чем мы их не рассматриваем.

Другие 10 мифов интерэкоправа по Э.Б. Вайс отражают роль секретариатов, связь соблюдения и формулировок норм, важность отчетности, соотношение децентрализации и имплементации, соотношение демократии и соблюдения, а также: общественное участие, урегулирование споров, принудительные меры, связь свободного рынка и соблюдения, причины неуниверсальности стратегий соблюдения. Их мы рассмотрим в продолжении (второй части) и окончании (третьей части) настоящей статьи.

Пристатейный библиографический список

См. сноски в постраничных ссылках (1-70).

69 Высторóбец Е. А. Идентификация источников международного экологического права – *Fontes jus naturae gentium* // Правоведение. – 2010. – № 5. – С. 191.

70 Анисимов А. П., Высторóбец Е. А. Ответственность в интерэкоправе: отклик на монографию Д.С. Боклан 2012 года // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 3 (58). – С. 73–74.

Высторбец Е.А.

**МИФЫ ЭДИТ БРАУН ВАЙС КАК ИСТОЧНИКИ ПОНИМАНИЯ ИНТЕРЭКОПРАВА:
4-8 (ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

Продолжение дискуссии об идеальных источниках интерэкоправа посвящено мифам Эдит Браун Вайс с четвертого по восьмой (Понимание соблюдения интерэкоправовых соглашений: чертова дюжина мифов, Ричмонд, 1999). См. начало: Евразийский юридический журнал. 2013. № 4.

Ключевые слова: Эдит Браун Вайс, интерэкоправо, международное экологическое право, международное право окружающей среды, обязательства, секретариаты, отчеты, децентрализация, демократия, 13 мифов.

Wystoróbeta E.A.

**MYTHS BY EDITH BROWN WEISS AS THE SOURCES OF INTERECOLAW
UNDERSTANDING: 4-8 (CONTINUED)**

Continuation of the discussion about ideal sources of interecolaw is devoted to the myths from the fourth to the eighth by Professor Edith Brown Weiss (Understanding compliance with international environmental agreements: the baker's dozen myths, Richmond, 1999). See beginning of the article: Eurasian Law Journal. 2013. № 4.

Keywords: Edith Brown Weiss, interecolaw, international environmental law, international law of the environment, obligations, secretariats, reports, decentralisation, democracy, 13 myths.

Высторбец Е.А.

Второе название рассматриваемой статьи профессора Эдит Браун Вайс «чертова дюжина мифов», в оригинале «пекарская дюжина мифов» (the baker's dozen myths).¹ Назвав ее с подтекстом, автор могла вложить несколько смыслов. Сегодня вера сменилась познанием. Суеверия по большей части изжили себя, но приметы усиливают внимание. Чтобы вызвать доверие и во избежание отсечения руки или штрафа за продажу неполновесного хлеба пекари средневековой Англии продавали 13-14 буханок хлеба по цене 12. Дополнительные буханки шли в доход торговцев. Хлебом они не считались. Умение «правильно считать» вознаграждалось коммерческим успехом.² Английский Ассиз (закон) о хлебе и эле 1266 года, оставшийся в силе полных 578 лет (до 1844 г.), также запрещал бесполезные для человека добавки.³ Один из скрытых смыслов второго названия в том, что это полновесная статья, что ее автор стремится отдавать должное. Сравнивая себя с пекарем, автор иносказательно самокритична, говорит о значении осмысления мифов для правопонимания, подразумевает, что не все мифы могут быть верны или в равной степени относиться к интерэкоправу.

О связи юриспруденции и мифов ученые писали в разное время, причем не только в контексте «мифы/реальность и ложное/откровение», чтобы подчеркнуть несоответствие общественным потребностям правового регулирования или восприятия права.⁴ Значение правовых мифов состоит в обо-

щении, объяснении правовой реальности в части, опытное изучение которой затруднено или невозможно.

Под мифами права (образами) А.И. Ковлером понимается «создание систем и категорий абстрактных понятий, исходящих из правового идеала, служащих задачам придания действующему праву большей ясности и эффективности. Это по необходимости тот понятийный ряд, который позволяет соединить воедино три основных элемента правосознания: познавательный, оценочный и регулятивный».⁵

Описывая мифы позитивного права, Н. Рулан обращает внимание на то, что они «вовсе не безобидны: государство (а также социальные группы, которые его контролируют) использует их, чтобы дать обществу его собственный портрет, не соответствующий, однако, его реальной структуре». ⁶ Норбер Рулан отмечает, что значение мифа превосходит смысл тех знаков, которые он использует и это свойство необходимо для понимания того, как миф служит праву.

Национальные доктрины производят мифы, символы, апеллирующие к рациональности идеологии, призванные служить оправданию и укреплению государства. ... Их распространению в той или иной мере способствуют все правительства, заинтересованные в закреплении национальных особенностей, легитимизирующих государственный суверенитет.⁷

Интерэкоправовые мифы (международные экологические мифы) – идеи, составляющие доктрины, которые могут использоваться в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм и их определенных совокупностей, формулируемые (говоря словами статьи 38 Статута

1 Weiss E.B. Understanding Compliance with International Environmental Agreements: The Baker's Dozen Myths // University of Richmond Law Review. 1999 (January). № 32. P. 1555-1585.

2 Baker // Siefing Judith (ed.) The Oxford Dictionary of Idioms. 2nd ed. OUP, 2004. P. 13; Baker's dozen // Martin Gary. The meaning and origin of the expression: Baker's dozen // The Phrase Finder. URL: <http://www.phrases.org.uk/meanings/Bakers%20dozen.html> (01.06.2013).

3 Hutt Peter Barton. Food Law & Policy: An Essay // Journal of Food Law & Policy. 2005. 1. URL: http://www.nationalaglawcenter.org/assets/articles/hutt_foodlaw.pdf (01.06.2013).

4 Е.Н.Дубинина, А.И. Иойрыш и К.Е. Сигалов, А.И. Клименко, Г.М. Лановая, И.И. Лизикова, В.П. Малахов, А.Г. Мамонтов, Н.Ф. Медушевская, С.В. Недобежкин, И.В. Правкин, А.А. Рыжов, Е.В. Сидорова, А.С. Чуваляникова. – См. История государства и права. 2012. № 11.

5 Ковлер А. И. Антропология права. М.: ИГ НОРМА-ИНФРА • М, 2002. С. 303.

6 Норбер Рулан. Юридическая антропология. Отв. ред. и автор предисловия к русскому изд. академик РАН, д.ю.н., профессор В.С. Нерсесянц, М., 1999. С. 243.

7 Smith A. State and Nation and the Third World. Brighton, 1983. – Цит. по: Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа, 1996. С. 174.

Международного Суда ООН) наиболее квалифицированными специалистами по публичному праву различных наций.

Правовые мифы заключаются в объявлении несуществующего существующим и наоборот; содержатся в научной литературе, не закреплены нормативно (в отличие от мифов права: категорий, норм-идей, а также юридических фикций); проявляются в сравнении на макроуровне; условно опровержимы; влияют на формирование правового сознания; могут иметь разнонаправленное действие, соответствовать общественным потребностям и наоборот. Значение правовых мифов в том, что они опосредуют правопонимание, правоприменение, нормотворчество. Правовые мифы выступают одним из идеальных (не формальных, не материальных, не познавательных) источников форм права.⁸ Они оказывают влияние на юридические мотивации субъектов правоотношений, то в каких нормативных и организационных средствах субъекты представляют себе последовательность достижения цели или соблюдения интереса.

В научном плане, рассмотрение мифов помогает выявить правовое содержание, которое менее зависимо от случайности или идеологии и сосредоточить на нем внимание. Это способ научной проверки соотношения правовой действительности и объективных потребностей регулирования общественных и международных отношений.

«Позитивному праву еще предстоит выработать черты "перспективного права", в котором, исходя из природы человеческого мышления, будет, возможно, достигнута необходимая комбинация рационального и иррационального, реального и мифологического».⁹ Отсюда значение правовых мифов для познания и совершенствования права. Это значение проявляется как в общетеоретических юридических науках, так и в отраслевых, специальных науках, например, науке интерэкоправа. Нижеследующие пять мифов касаются особенностей государств, связанных по мнению Э.Б. Вайс с соблюдением соглашений, а также отдельных элементов механизма действия интерэкоправа.

Миф четвертый: секретариаты международных соглашений, как марионетки на веревочках, которые контролируются правительствами. Они имеют мало влияния; их деятельность минимальна.

Международный секретариат, отвечающий за поддержание сотрудничества и координацию действий всех сторон природоохранного или природоресурсного соглашения – ключевой элемент механизма действия соответствующего договора. Профессор приводит примеры отсутствия секретариата. Должностные лица Международной морской организации исполняли обязанности секретариата Лондонской конвенции 1972 года. До 1992 года чиновники Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) служили в качестве секретариата Центра Всемирного наследия; отдельного подразделения секретариата не было. Численность секретариатов, по оценкам Вайс, варьируется от нескольких до двадцати человек, а бюджет от размера менее одного миллио-

на долларов до более трех. В качестве примера максимального бюджета профессор приводит ежегодный бюджет секретариата Международной организации по тропической древесине в Йокоте, Япония. Однако, например, решение 21 сессии Международной организации по тропической древесине, принятое 20 ноября 1996 г. устанавливает, что бюджет всей организации на 1997 год 4 024 392 долл. США из которых 3 850 000 оцениваются от затрат членов, а исполнительный директор получает право освоить остаток 1996 года в размере не более 168 000 долл. США, который уменьшается в случае невнесения взносов, и 120 000 в дополнение к другим средствам.¹⁰ Итого бюджет, которым непосредственно распоряжается секретариат, определен в размере 678 392 долл. США.

Четвертый миф основан на предположении о том, что правительства контролируют секретариаты и держат их на коротком поводке и что секретариаты, таким образом, оказывают незначительное влияние на разработку и реализацию договора. Размер большинства секретариатов и их ресурсы усиливают это предположение. Правительство прикомандировывает сотрудников в секретариат, что также создает впечатление правительственного контроля.

Однако в действительности, пишет Э.Б. Вайс, секретариаты могут быть влиятельными органами по отношению к имплементации договора. В обоснование этой позиции приводятся аргументы о том, что секретариаты:

- служат в качестве центра взаимодействия с другими субъектами международной системы;
- консультируют правительства по вопросам соблюдения, например, ответы секретариата СИТЕС на запросы о законности экспортных или импортных разрешений (лицензий);
- дают советы по соблюдению частным субъектам, например, в Монреальском протоколе;
- разрабатывают предложения о методах, способствующих соблюдению, которые затем вводятся государствами;
- рассматривают доклады, поданные участниками соглашений;
- осуществляют мониторинг соблюдения; и другие функции.

Сегодня не вызывает сомнений, что сильные, эффективные секретариаты играют важную роль в продвижении положений договоров.

Профессор М.Н. Копылов подтверждает такую позицию, рассматривая объективные предпосылки: «Можно отметить возрастающую роль секретариатов различных международных экологических соглашений в деле международного экологического управления. Сложившаяся ситуация, с одной стороны, объясняется тем, что экологическая проблематика по своей сути интегрирована практически во все сферы человеческой деятельности (транспорт, сельское хозяйство, строительство и т.д.) и поэтому большинство международных организаций, следуя объективной реальности международных отношений, включают экологическую проблематику в свою сферу деятельности. С другой стороны, отсутствие единого международного механизма управления в экологической сфере порождает множество проблем, дублирование некоторых функций управления».¹¹

8 Источники форм интерэкоправа *fontes jus naturae gentium* — это номинально и реально осознаваемые совокупности фактов и явлений, благодаря которым интерэкоправо идентифицируется, понимается, выражается как право и соблюдается. Это факты и явления, потенциально обладающие правовыми возможностями, свойствами и влиянием на международную эколого-правовую действительность. Они включают множество совокупностей различной природы: формальные, идеальные, материальные, познавательные.

9 Ковлер А. И. Антропология права. М.: ИГ НОРМА-ИНФРА • М, 2002. С. 313.

10 Decision 10(XXI) Administrative Budget of the International Tropical Timber Organization (ITTO) for The Financial Year 1997. Yokohama, Japan 20 November 1996. ITTC(XXI)/21. Twenty-first session. 13-20 November 1996. URL: http://www.itto.int/direct/topics/topics_pdf_download/topics_id=11900010&no=1 (05.06.2013).

11 Копылов М.Н. Понятие международного экологического права – в кн.: Международное экологическое право / Отв. ред. Р. М. Валеев. – М.: Статут, 2012. С. 34-35.

Юридический подход при рассмотрении роли секретариатов конвенций и соглашений, как нам представляется, заключается в сравнении и выявлении условий оптимизации положений о секретариатах, включаемых в договоры, условий оптимизации норм внутренних регламентов и процедур.

Если роль «неклассических» субъектов международного права возрастает, то роль правительств и международных организаций должна уменьшаться. Правительства, проводящие внешнюю экологическую политику, определено должны быть заинтересованы в исследованиях правовых и организационных механизмов защиты их интересов, в том числе через секретариаты международных договоров. Многие из вопросов, связанных с деятельностью секретариатов, пока не решены.

Миф пятый: чем точнее обязательства, тем лучше соблюдение со стороны участников.

В международных переговорах страны часто настаивают на точных обязательствах, например, потому, что предполагается, что страны будут лучше исполнять точные обязательства, чем неопределенные. Реальность такова, что если обязательства точно заявлены, гораздо легче определить, исполняет ли их государство или нет. Но это не обязательно означает, что государства будут исполнять точные обязательства лучше, чем общие положения – отмечает Э.Б. Вайс.

В качестве примера автором рассматривается механизм реализации Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 года, через Монреальский протокол 1987 года, который предусматривает четкие цели и сроки поэтапного отказа от веществ, разрушающих озоновый слой. Государства должны представлять ежегодные отчеты, отражающие их потребление и производство подконтрольных химических веществ.¹² В результате рассмотрения докладов и другой доступной информации от правительств и организаций негосударственного сектора, можно определить, выполняют ли стороны свои обязательства по Протоколу. Если обязательства были бы более общими, оценка соответствия стала бы сложнее, и качество исполнения обязательств, безусловно, не настолько бы достигало цели Конвенции. В этом смысле, миф верен – заключает профессор.

Некоторые обязательства, однако, не непременно должны быть точными. Например, пишет профессор Вайс, Конвенция о всемирном наследии¹³ предусматривает, что каждое государство-участник «обязуется не принимать каких-либо преднамеренных действий, которые могли бы прямо или косвенно причинить ущерб культурному и природному наследию ... расположенному на территории других государств-участников Конвенции» (п. 3 ст. 6).

В статье 4 Конвенции предусматривается, что каждое государство-участник имеет первичное обязательство обеспечивать «выявление, охрану, сохранение, популяризацию и передачу будущим поколениям культурного и природного наследия, ... которое расположено на его территории».

Хотя Конвенция установила несколько видов деятельности, которые стороны должны осуществлять, она не определила четкие цели и сроки или критерии оценки соблюдения. В этом не было необходимости – считает Вайс. Соблюдение обязательств

по более широким положениям не обязательно будет хуже из-за формулировок. Исследование о соблюдении положений, проведенное Э.Б. Вайс, указывает на то, что некоторые страны, если не полностью, но по существу соблюдают соглашение.

Мнение Э.Б. Вайс об отсутствии прямой зависимости соблюдения от точности формулировок обязательств мы разделяем в целом. Действенность формы и эффективность ее реализации прямо не связаны. При повышенных обязательствах соблюдение затруднено объективно. Однако, при обязательствах, которые соответствуют возможностям сторон, нахождение в режиме соблюдения не должно вызывать проблем. Если обязательство подразумевает достижение сопоставимых результатов, его выполнение легко подтвердить. Таким образом, точность формулировок в совокупности с их реалистичностью (соответствием возможностям) повышают соблюдение. Само по себе совершенство юридической формы в отрыве от объективных отношений к соблюдению не ведет.

Содержание природоохранных обязательств не может заключаться только в воздержании от действий, неблагоприятных для окружающей среды, когда соблюдение запретов равно исполнению обязательств. Полный отказ от видов деятельности и вредных воздействий, как в случае с запретом ядерных испытаний, отказом от производства отдельных веществ – исключение. Цель основной массы природоохранных и природоресурсных договоров, касающихся возобновляемых ресурсов – восстановление и поддержание естественного состояния. Ее достижение требует активных действий и детальных формулировок. Если в международном договоре и последующих инструментах, принимаемых в его развитие, они не определены, установить соблюдение затруднительно. Такой договор следует признать недействительным из-за низкого потенциала его юридической формы по достижению цели. Он может быть полезен лишь для накопления политического капитала, но не для снижения остроты реальных проблем.

Таким образом, хоть зависимость между точностью обязательств и соблюдением косвенная, но потенциал соблюдения тем выше, чем точнее сформулированы обязательства и от того насколько результаты их выполнения отдельными сторонами сопоставимы. Пример Конвенции о всемирном наследии 1972 года, приведенный Вайс, по нашему мнению, образец соглашения, которое и технико-юридически и в ходе его соблюдения решает незначительную часть предметных вопросов. Прошло 40 лет. ЮНЕСКО в течение этого времени формально исполняла часть органических функций природоохранной организации. Теперь необходим универсальный договор, который унифицирует международные системы территориальной охраны природы и специализированная организация ООН по управлению международными и трансграничными особо охраняемыми природными территориями и объектами.

Пятый миф приводит к выводу о необходимости обеспечения соответствия обязательств сторон их возможностям. Используя лексику Э.Б. Вайс, заключение «неточных» соглашений целесообразно лишь в начале международно-правового регулирования определенных отношений, подразумевая последующее уточнение обязательств. Пятый миф может служить оправданием имитации природоохранной деятельности. В этом его изъян. Со времени осознания сторонами своей возможности и целесообразности принимать совместные согласованные меры по решению общей проблемы, пятый миф – скорее истина, чем ложное представление.

Миф шестой: регулярные отчеты страны имеют большое значение для контроля за соблюдением. Важным является полное соблюдение договора всеми государствами-участниками.

12 Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 года (Монреаль, 16.09.1987) // UNTS. 1989. Vol. 1522, I-26369. P. 53-64; Сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/montreal.pdf (05.06.2013).

13 Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года (Париж, 16.11.1972) // Сборник международных договоров СССР. 1990. Вып. XLIV. С. 496-506; Указ Президиума ВС СССР от 09.03.1988 № 8595-XI, вступила в силу для СССР 12.01.1989.

Этот миф для Э.Б. Вайс, в отличие от ранее рассмотренных мифов интерэкоправа, не отрицает основной тезис, положенный в его основу. Он в общем плане называет организационные проблемы. Он также звучит в поддержку дифференцированного учета соблюдения договора сторонами для оценки соблюдения договора в целом.

Мониторинг необходим для повышения уровня соблюдения международных договоров. Он может принимать различные формы, такие как отчеты правительств и/или неправительственных организаций и предприятий; мониторинг, проводимый сторонами, секретариатами и консультантами на местах; дистанционный мониторинг с помощью современных технологий; проверка материалов, представляемых сторонами или других источников информации. Многие международные экологические соглашения предусматривают мониторинг соблюдения посредством проверки регулярных отчетов, которые государства направляют в секретариат договора. В 1990-е годы, развивает мысль профессор, обычным делом стало включать требования об отчетности практически во все международные экологические соглашения.

Отчеты полезны, по мнению Э.Б. Вайс, с которым мы солидарны, поскольку они вовлекают государства в процесс имплементации соглашений. Отчетность является полезным инструментом для ознакомления правительств и других субъектов о действиях, которые необходимо предпринять для выполнения международных обязательств. Процесс подготовки отчетов может стимулировать создание условий для выполнения материально-правовых обязательств договаривающихся сторон.

Проблемы, о которых пишет автор, разнородны. Это и нежелание государств сообщать о недоработках, качество отчетов, которые могут быть неправдоподобными, неполными, неточными и запоздалыми.¹⁴ Автор отмечает важность «внешней» проверки соблюдения договоров сторонами и секретариатами, как на основании отчетов, так и, в зависимости от предметной области, на местах, для выявления неуставленных проблем соблюдения.

Согласно профессору С.А. Балащенко положения большинства природоохранных конвенций, прямо или косвенно указывают на необходимость контроля соблюдения, и для этого в них предусмотрены следующие методы контроля:

- регулярные совещания сторон или учредительных комитетов, функционирующих в качестве дипломатического форума для переговоров по таким вопросам, как интерпретация или использование договора для урегулирования конфликта;
- рекомендации и резолюции (например, предложения и решения), формально не имеющие обязательной силы, но представляющие политическую важность в моральном плане и способные повлиять на стороны или получить закрепление в обычном праве;
- институализация секретариатов с определенными контрольными или консультативными функциями по вопросам соблюдения обязательств по договору;
- положения многих договоров о регулярной отчетности стран-членов относительно соблюдения договорных или специальных обязательств.¹⁵

С.А. Балащенко полнее Э.Б. Вайс высказывается в пользу независимого контроля: «Фактически самым эффективным и важным механизмом контроля ... являются неправительственные организации (НПО), занимающиеся охраной окружающей среды, и в определенной мере международные правительственные и полуправительственные организации».

Кроме того, профессор Вайс упоминает о проблеме "перегруженности отчетами", как на уровне государств, так и для субъектов, которые их получают и обрабатывают. Ее решение автор видит в использовании стандартных протоколов отчетности.

С другой стороны, согласно Вайс, важно не то, чтобы как можно большее число сторон соблюдало соглашение, а чтобы его соблюдали «основные» участники, деятельность которых имеет наибольший удельный вес для достижения цели соглашения. Например, для сохранения биоразнообразия, прежде всего, имеют значение меры, предпринимаемые в государствах, объективно обладающих наибольшим видовым, таксономическим, экологическим и генетическим разнообразием. Эти государства – «восемь экологических тяжеловесов».¹⁶ Профессор приводит пример Лондонской конвенцией 1972 года – в рамках которой важнее отчеты основных загрязнителей морской среды, чем отчеты государств-участников, чья деятельность на море минимальна. Отсюда, для того, чтобы судить об уровне соблюдения соглашения в целом, ее интересует не процент государств-участников, представивших отчеты, а «какой процент из основных государств-загрязнителей соблюдает требования по отчетности»?

Также подчеркивается, что регулярное представление отчетов благотворно для соблюдения соглашения в долгосрочной перспективе и формирует культуру соблюдения соглашения между его сторонами. Рассмотренный «миф» совмещает вопросы действенности и эффективности соглашений (юридического потенциала и качества реализации на практике). Через него действие статичных норм может рассматриваться в динамике. Кроме того, речь о дополнении количественных оценок соблюдения качественными оценками. Рациональное зерно в проблеме отчетности о выполнении соглашений заключается в изучении наилучшего опыта интерэкоправового регулирования вопросов сбора информации, подготовки и представления отчетов, включая формализацию и унификацию технических и технологических средств осуществления этих задач.

Миф седьмой: децентрализация имплементации соглашений в пользу местных властей с возложением на них ответственности улучшает соблюдение.

Данный миф Э.Б. Вайс на первый взгляд совершенно далек от области интерэкоправа, поскольку независимо от чьего-либо участия в исполнении обязательств, вытекающих из международных природоохранных и природоресурсных соглашений, ответственность за это несут государства, центральные органы власти, совершившие договор. Международная правосубъектность других акторов (субъектов) ограничена. Миф также может восприниматься, как рассуждение, затрагивающее вну-

14 См.: Sachariew Kamen. Promoting Compliance with International Environmental Legal Standards: Reflections on Monitoring and Reporting Mechanisms // 2 Y.B. Int'l & Env'tl. L. 31 (1991) (сомнение в эффективности самостоятельной отчетности из-за неустраняемого влияния самооценки); Bothe Michael. The Evaluation of Enforcement Mechanisms in International Environmental Law – in Enforcing Environmental Standards: Economic Mechanisms as Viable Means? 13, 24 (Rudiger Wolfrum ed., 1996). – Цит. по: Э.Б. Вайс.

15 Балащенко С.А. Государственное управление в области охраны окружающей среды. Минск: БГУ, 2000. С. 220 (341 с.).

16 Flavin C. The Legacy of Rio // State of the World. Eds.: L.R.Brown, C.Flavin, H.F.French. Worldwatch Institute. W.W. Norton & Company. New York – London. 1997. 229 P. – цитируется по: Россия в окружающем мире: 1998 (Аналитический ежегодник). Отв. ред. Н.Н.Марфенин / Под общей редакцией: Н.Н.Моисеева, С.А.Степанова. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. С. 14. – см.: Высторобец Е.А. Экологическое право – мотивации в международном сотрудничестве / предисл. Ю.Е. Винокурова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2006. С. 262. URL: http://miel.d.narod2.ru/Motivations_Wystorobets_q.pdf (14.03.2013).

тренные дела государств, которые обладают исключительными полномочиями по определению организационных способов имплементации. По общему правилу в интерэкоправе верно и то и другое: отвечают государства и организация исполнения их обязательств это их внутреннее дело. Однако правило имеет исключения (если это пожелают государства).

Сделаем краткое отступление от мифа, чтобы показать неоднозначность первого восприятия и возможность исключений. Также оригинально на первый взгляд выглядит классификация международных договоров Рональда Митчелла по числу сторон. Он разделил их на двусторонние, многосторонние и иные (другие). Что значит «иные», каким еще может быть договор по составу сторон, если не подпадает ни под понятие двусторонних, ни в категорию многосторонних? В базе интерэкоправовых соглашений «иных» 345. Ответ иллюстрируют несколько примеров.¹⁷ Один из первых примеров – Статус Международного союза охраны природы (МСОП) от 05.10.1948. Для России в качестве примера «иного» международного договора, совершенного неравноположенными сторонами, может рассматриваться Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским Сообществом, Правительством Канады и Правительством Российской Федерации от 15.12.1997.¹⁸ Профессор Р.Б.

Митчелл определяет «иные» соглашения как «интерэкоправовые соглашения между правительствами и международными организациями или негосударственными акторами [субъектами – прим. ЕВ], а не двумя правительствами или более».¹⁹

Применение седьмого мифа о пользе децентрализации ограничено немногочисленными случаями и в рамках малой части международных договоров. В большинстве случаев необходима координация международного сотрудничества из центра. Несмотря на то, что Э.Б. Вайс не называет правовые основания, на которых формулирует миф, они есть (есть исключения из правила, которые позволяют говорить о мифе):

- договоры в рамках приграничного сотрудничества на уровне отдельных субъектов федераций или автономных образований;

- нормативные акты центров, об участии регионов в исполнении международных обязательств государств;

- нормативные акты регионов по имплементации интерэкоправовых соглашений;

- нормы, отражающие интеграционные процессы, повышение роли региональных и муниципальных властей в международных экологических отношениях, и другие.

Профессор Вайс упоминает проблему «центра-периферии»,²⁰ что есть трудности у правительства Индии по контролю деятельности, связанной с выполнением международных обязательств в Национальном парке Манаса,²¹ трудности у Бразилии по контролю трансграничной торговли исчезающими видами в районе Амазонки и обеспечения устойчивого управления лесами,²² затруднения у Пекина (Китайской Народной Республики) по контролю деятельности в южном и западном Китае.²³

Также говорится о том, что «в результате политической реформы, например, Российская Федерация, децентрализовала власть, поэтому контроль над субъектами ослаб. Это привело, по крайней мере, в краткосрочной перспективе к значительно меньшему уровню соблюдения Российской Федерацией договора СИТЕС».²⁴

- 17 Exchange of Letters Constituting an Agreement Between the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and The Food And Agriculture Organization of The United Nations Concerning the Desert Locust Information Service done 20.02.1961;
Agreement Between the Japan-China Fisheries Association and the Chinese Fisheries Association on Fishing Operations in the Yellow Sea and the East China Sea done 17.12.1965;
Offshore Pollution Liability Agreement Among Amoco-British Petroleum-Burmah-Compagnie Francaise des Petroles-Continental-Exxon-Gulf Hamilton-Mobil-Petrofina-Phillips-Shell-Texaco done 04.09.1974;
Administrative Agreement Between the Federal Republic of Germany And its Coastal States (The Freie Hansestadt Bremen, The Freie And Hansestadt Hamburg, Niedersachsen And Schleswig-Holstein) Concerning The Battle Against Oil Pollution done 23.05.1975;
Agreement on Fisheries Between The European Economic Community, of the one part, and the Government of Denmark and the Home Government of the Faroe Islands, of the other part done 15.03.1977;
Agreement In the Form of Two Exchanges of Letters, One Providing for the Provisional Application of the Agreement of November 21, 1979 Between the European Economic Community and the Government of Sweden on Certain Measures for the Purpose of Promoting the Reproduction of Salmon in the Baltic Sea, and One Concerning the Application In 1979 of that Agreement done 21.11.1979;
Agreement/Letter of Understanding Between Ministry of the Environment of Slovak Republic and USAID done 19.08.1996;
International Agreement Between the US Department of the Interior, Bureau of Land Management, US Department of Agriculture, Forest Service for the National Multi-Agency Coordination Group for and on Behalf of the Government of the United States of America and the Secretary of the Department of Natural Resources and Environment for Itself and As Agent of the Crown in the Right of each Australian State and Territory and the Crown In The Right Of New Zealand done about 08.2000;
Council Decision Of 14 December 2000 On The Conclusion Of The Agreement In The Form Of An Exchange Of Letters Concerning The Provisional Application Of The Protocol Setting Out (For The Period Between The 3 May 2000 To 2 May 2002) The Fishing Opportunities And The Financial Contribution Agreed Between The European Economic Community And The Government Of The People's Republic Of Angola On Fishing Off The Coast Of Angola done 14.12.2000;
Great Lakes-St. Lawrence River Basin Sustainable Water Resources Agreement (Illinois, Indiana, Michigan, Minnesota, New York, Ohio, Pennsylvania, Wisconsin, Ontario, Québec) done 13.12.2005.

- 18 Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским сообществом, Канадой и Российской Федерацией (Брюссель, 15.12.1997), вступило в силу с его подписанием Россией 22.04.1998 (Вместе с "Арбитражным органом", "Заявлениями Сторон") // Бюллетень международных договоров. 2009. № 2. С. 27-45.

- 19 См.: Mitchell Ronald B. The International Environmental Agreements (IEA) Database Project: Contents and Usage // Экология: синтез естественно-научного, технического и гуманитарного знания: материалы III Всерос. науч.-практ. форума (Саратов, 10-12 октября 2012 г.) и I Школы интерэкоправа (Саратов, 11-12 октября 2012 г.) / [редкол. А.В. Иванов, И.А. Яшков, Е.А. Высторобец и др.]; Сарат. гос. ун-т им. Ю.А. Гагарина. Саратов: Изд-во ЕврАзНИИПП, 2012. С. 455-461. URL: http://iel1st.narod2.ru/ИлсcoForum_IstSchool_of_Interecolaw.pdf (05.06.2013).
- 20 Basiswas Mit K., et al. Core and Periphery: A Comprehensive Approach to Middle Eastern Water (1997) (applying the coreperiphery in context of water resource management); Jordan Donald E. Jr. Land and Popular Politics in Ireland (1994); Hechter Michael. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966 (1975); Skinner G. William. Regional Urbanization in Nineteenth-Century China – in The City in Late Imperial China 211 (G. William Skinner, ed. 1977); Skinner G. William. Cities and the Hierarchy of Local Systems – in The City in Lake Imperial China 275 (G. William Skinner ed., 1977).
- 21 Herring Ronald J. & Bharucha Erach. Embedded Capacities: India's Compliance with International Environmental Accords – in Engaging Countries. – Цит. по: Э.Б. Вайс.
- 22 de Aragao Murillo & Bunker Stephen. Brazil: Regional Inequalities and Ecological Diversity in a Federal System – in Engaging Countries. – Цит. по: Э.Б. Вайс.
- 23 Oksenberg Michael & Economy Elizabeth. China: Implementation Under Economic Growth and Market Reform – in Engaging Countries. – Цит. по: Э.Б. Вайс.
- 24 Zimmerman William et. al., The Soviet Union and the Russian Federation: A Natural Experiment in Environmental Compliance – in Engaging Countries. – Цит. по: Э.Б. Вайс.

Область правового регулирования отношений между центром и регионами, касающихся выполнения международных обязательств относится к числу экзотических тем исследований. Также редко уделяется внимание положениям международных договоров, предусматривающим участие региональных органов власти и управления в процессе имплементации и сотрудничества. В 2009 году, на основании законодательства субъектов Федерации, нами было проведено исследование по теме «Имплементация международного права окружающей среды в России» в объеме 1,5 авт. л. Ряд договоров упоминался в действовавшем законодательстве, что порождало определенные полномочия и обязанности субъектов. По другим в отсутствие норм, касающихся участия субъектов, наблюдалось исполнение и непосредственное участие в сотрудничестве. Отсюда сделан вывод о возможности деления международных договоров и процессов на три группы:

I группа – договоры, в которых и для которых участие субъектов Российской Федерации в выполнении международных обязательств России предусмотрено нормативно (Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года, Конвенция по борьбе с опустыниванием 1994 года, Рамсарская конвенция 1971 года, Венская конвенция 1985 года и Монреальский протокол 1987 года, а также конвенции об охране морской среды);

II группа – договоры, в реализации которых субъекты Российской Федерации участвуют согласно своим органическим функциям, но такое участие не основано на прямых нормативных положениях федерального уровня, уровня субъектов или самого договора (Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года и Киотский протокол 1997 года, Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1994 года; конвенции Европейской экономической комиссии ООН);

III группа – договоры и процессы, полномочия субъектов Российской Федерации по участию в имплементации которых и содействию соблюдению которых нормативно не определено, а фактическое сотрудничество не установлено (остальные).

Э.Б. Вайс отмечает, что «вовлечение местного населения создаст культуру соблюдения соглашений»,²⁵ и делает вывод о том, что «со временем, привлечение местных властей, в принципе, приведет к большему соблюдению». Седьмой миф выступает, как тенденция, которая должна учитываться в процессе имплементации интерэкоправа.

Миф восьмой: демократия всегда способствует соблюдению. Демократические страны всегда соблюдают договоры лучше, чем недемократические.

Этот миф, подобно предыдущему, основан на результатах фолианта «Ангажируя страны: усиление соблюдения интерэкоправовых соглашений», подготовленного под редакцией Э.Б. Вайс совместно с профессором политологии Мичиганского университета Гарольдом К. Якобсоном.²⁶ Книга доступна

для ознакомления.²⁷ Автор зафиксировала лучшее соблюдение Российской Федерацией Лондонской конвенции 1972 года «о дампинге»,²⁸ чем бывшим Советским Союзом, «что может быть связано с большей транспарентностью в государственных процессах, которые начались с реформ Горбачева и были продолжены после распада Советского Союза». В этом случае перед нами уже неприкрытая политика.

Об условности восьмого мифа говорит сама профессор Вайс: «Демократия более чутко реагирует на общественное мнение, а общественное мнение не всегда может быть направлено на решение международных проблем. Более того, определенные группы по специальным интересам могут тратить значительные ресурсы для влияния на общественное мнение и законодателей, с тем, чтобы затормозить соблюдение. Отказ США платить по своим юридически обязательным взносам в Организацию Объединенных Наций остро иллюстрирует этот момент. Кроме того, интересы неправительственных организаций не обязательно согласуются с положениями, сформулированными в международных соглашениях. В демократической культуре есть больше возможностей для представителей различных кругов влиять на поведение, а также есть больший доступ к информации и повышенная прозрачность. Но это также означает, что управление может усложниться и что усилия по обеспечению соблюдения международных обязательств могут стать более сложными».

Нам представляется, что истинно демократические страны, уделяют равное внимание публичным и частным интересам, а авторитарные нарушают баланс интересов. Если преобладают публичные интересы, то и соблюдение международных соглашений в области публичного интерэкоправа будет выше.

В целом же данный миф юридически не конструктивен. Это пример самого общего рассуждения, мало связанного с нормами интерэкоправа. Если государства становятся сторонами договора, то, независимо от моделей социально-политического устройства и развития, должны его добросовестно соблюдать. За время, прошедшее после выхода статьи в свет, ситуация изменилась. Сегодня своевременно поставить вопрос о том, при каких условиях положения соглашений об общественном участии могут способствовать лучшему соблюдению договоров.

Заключительные пять мифов (9-13) будут рассмотрены в третьей части статьи (окончание).

Пристатейный библиографический список

- 25 В некоторых случаях, усилия, предпринимаемые на местном уровне более успешны мер государства по имплементации – см., например: Danish Kyle W. International Environmental Law and the "Bottom-Up" Approach: A Review of the Desertification Convention // 3 Ind. J. Global Legal Stud. 133 (1995) (аргументирует, что подход «снизу-вверх» Конвенции Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке будет более успешным, чем подход «сверху-вниз», потерпевший неудачу на Конференции ООН по опустыниванию 1977 года). – Цит. по: Э.Б. Вайс.
- 26 Weiss Edith Brown, Jacobson Harold K. (eds.) Engaging Countries: Strengthening Compliance with International Environmental Accords. Massachusetts Institute of Technology, 1998, 2000. 621 p.; Harold K.

1. Weiss E. B. Understanding Compliance with International Environmental Agreements: The Baker's Dozen Myths // University of Richmond Law Review. 1999 (January). № 32. P. 1555-1585.
2. Baker // Siefring Judith (ed.) The Oxford Dictionary of Idioms. 2nd ed. OUP, 2004. P. 13; Baker's dozen // Martin Gary. The meaning and origin of the expression: Baker's dozen // The Phrase Finder. URL: <http://www.phrases.org.uk/meanings/Bakers%20dozen.html> (01.06.2013).

- Jacobson, Jesse Siddal Reeves Professor of Political Science in the College of Literature, Science, and the Arts; and Director of the Center for Political Studies at the University of Michigan, Ann Arbor (1981-2001).
- 27 См. URL: <http://mitpress.mit.edu/books/engaging-countries> (05.06.2013); для просмотра нажать Google preview (справа внизу).
- 28 Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года (London Convention (LC) (Вашингтон, Лондон, Мехико, Москва, 29.12.1972), вступила в силу 30.08.1975, вступила в силу для СССР 29.01.1976 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1978. С. 540-549; Указ Президиума ВС СССР от 15.12.1975 № 2659-IX.

3. Hutt Peter Barton. Food Law & Policy: An Essay // Journal of Food Law & Policy. 2005. 1. URL: http://www.nationalaglawcenter.org/assets/articles/hutt_foodlaw.pdf (01.06.2013).
4. История государства и права. 2012. № 11.
5. Ковлер А. И. Антропология права. М.: ИГ НОРМА-ИНФРА • М, 2002.
6. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.
7. Smith A. State and Nation and the Third World. Brighton, 1983.
8. Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа, 1996.
9. Decision 10(XXI) Administrative Budget of the International Tropical Timber Organization (ITTO) for The Financial Year 1997. Yokohama, Japan 20 November 1996. ITTC (XXI)/21. Twenty-first session. 13–20 November 1996. URL: http://www.itto.int/direct/topics/topics_pdf_download/topics_id=11900010&no=1 (05.06.2013).
10. Копылов М.Н. Понятие международного экологического права – в кн.: Международное экологическое право / Отв. ред. Р. М. Вале-ев. – М.: Статут, 2012.
11. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 года (Монреаль, 16.09.1987) // UNTS. 1989. Vol. 1522, I-26369. P. 53–64; Сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/montreal.pdf (05.06.2013).
12. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года (Париж, 16.11.1972) // Сборник международных договоров СССР. 1990. Вып. XLIV. С. 496–506; Указ Президиума ВС СССР от 09.03.1988 № 8595-XI, вступила в силу для СССР 12.01.1989.
13. Sachariew Kamen. Promoting Compliance with International Environmental Legal Standards: Reflections on Monitoring and Reporting Mechanisms // 2 Y.B. Int'l & Env'tl. L. 31 (1991)
14. Bothe Michael. The Evaluation of Enforcement Mechanisms in International Environmental Law, in Enforcing Environmental Standards: Economic Mechanisms as Viable Means? 13, 24 (Rudiger Wolfrum ed., 1996).
15. Балащенко С.А. Государственное управление в области охраны окружающей среды. Минск: БГУ, 2000. 341 с.
16. Flavin C. The Legacy of Rio // State of the World. Eds.: L.R.Brown, C.Flavin, H.F.French. Worldwatch Institute. W.W. Norton & Company. New York – London. 1997. 229 p.
17. Россия в окружающем мире: 1998 (Аналитический ежегодник). Отв. ред. Н.Н.Марфенин / Под общей редакцией: Н.Н.Моисеева, С.А.Степанова. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998.
18. Высторобец Е.А. Экологическое право – мотивации в международном сотрудничестве / предисл. Ю.Е. Винокурова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 2006. URL: http://miel.narod2.ru/Motivations_Wystorobets_q.pdf (14.03.2013).
19. Соглашение о международных стандартах на гуманный отлов диких животных между Европейским сообществом, Канадой и Российской Федерацией (Брюссель, 15.12.1997), вступило в силу с его подписанием Россией 22.04.1998 (Вместе с "Арбитражным органом", "Заявлениями Сторон") // Бюллетень международных договоров. 2009. № 2. С. 27–45.
20. Mitchell Ronald B. The International Environmental Agreements (IEA) Database Project: Contents and Usage // Экология: синтез естественно-научного, технического и гуманитарного знания: материалы III Всерос. науч.-практ. форума (Саратов, 10–12 октября 2012 г.) и I Школы интерэкоправа (Саратов, 11–12 октября 2012 г.) / [редкол. А.В. Иванов, И.А. Яшков, Е.А. Высторобец и др.]; Сарат. гос. тех. ун-т им. Ю.А. Гагарина. Саратов: Изд-во ЕвразНИИПП, 2012. С. 455–461. URL: http://iel1st.narod2.ru/IIIecoForum_IstSchool_of_Interocolaw.pdf (05.06.2013).
21. Basiswas Mit K., et al. Core and Periphery: A Comprehensive Approach to Middle Eastern Water (1997).
22. Jordan Donald E. Jr. Land and Popular Politics in Ireland (1994).
23. Hechter Michael. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966 (1975).
24. Skinner G. William. Regional Urbanization in Nineteenth-Century China – in The City in Late Imperial China 211 (G. William Skinner, ed. 1977)
25. Skinner G. William. Cities and the Hierarchy of Local Systems – in The City in Late Imperial China 275 (G. William Skinner ed., 1977).
26. Herring Ronald J. & Bharucha Erach. Embedded Capacities: India's Compliance with International Environmental Accords – in Engaging Countries.
27. de Aragao Murillo & Bunker Stephen. Brazil: Regional Inequalities and Ecological Diversity in a Federal System – in Engaging Countries.
28. Oksenberg Michael & Economy Elizabeth. China: Implementation Under Economic Growth and Market Reform – in Engaging Countries.
29. Zimmerman William et. al., The Soviet Union and the Russian Federation: A Natural Experiment in Environmental Compliance – in Engaging Countries.
30. Danish Kyle W. International Environmental Law and the "Bottom-Up" Approach: A Review of the Desertification Convention // 3 Ind. J. Global Legal Stud. 133 (1995).
31. Weiss Edith Brown, Jacobson Harold K. (eds.) Ангажируя страны: усиление соблюдения интерэкоправовых соглашений. Мас-сачусетский технологический институт, 1998, 2000. 621 с. URL: <http://mitpress.mit.edu/books/engaging-countries> (05.06.2013); для просмотра нажать Google preview.
32. Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года (London Convention (LC) (Вашингтон, Лондон, Мехико, Москва, 29.12.1972), вступила в силу 30.08.1975, вступила в силу для СССР 29.01.1976 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1978. С. 540–549; Указ Президиума ВС СССР от 15.12.1975 № 2659-IX.

Высторобец Е.А., Турбаба А.С. МИФЫ ЭДИТ БРАУН ВАЙС КАК ИСТОЧНИКИ ПОНИМАНИЯ ИНТЕРЭКОПРАВА: 9–13 (ОКОНЧАНИЕ)

Окончание дискуссии об идеальных источниках интерэкоправа посвящено мифам Эдит Браун Вайс с девятого по тринадцатый (Понимание соблюдения интерэкоправовых соглашений: чертова дюжина мифов, Ричмонд, 1999)¹. В заключительной части обобщаются основные выводы. См. начало и продолжение: Евразийский юридический журнал. 2013. №№ 4, 5.

Ключевые слова: Эдит Браун Вайс, интерэкоправо, международное экологическое право, международное право окружающей среды, НПО, формальные процедуры, меры принуждения, свободные рынки, стратегии соблюдения, 13 мифов

Wystoróbeta E.A., Turbaba A.S. MYTHS BY EDITH BROWN WEISS AS THE SOURCES OF INTERECOLAW UNDERSTANDING: 9–13 (CONCLUSION)

Conclusion of the discussion about ideal sources of interecolaw is devoted to the myths from the ninth to the thirteenth by Professor Edith Brown Weiss (Understanding compliance with international environmental agreements: the baker's dozen myths, Richmond, 1999). Overall conclusions are summarized in the final section of the article. See beginning and continuation of the article: Eurasian Law Journal. 2013. №№ 4, 5.

Key words: Edith Brown Weiss, interecolaw, international environmental law, international law of the environment, NGOs, formal procedures, coercive measures, free markets, compliance strategies, 13 myths

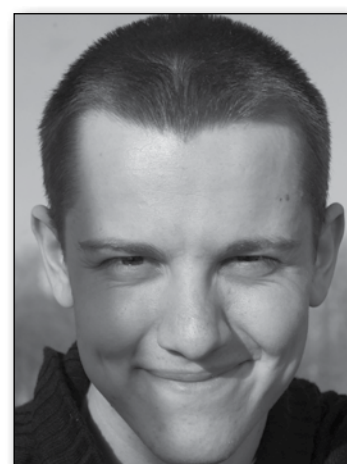
Миф девятый: влияние неправительственных организаций всегда приводит к лучшему соблюдению государством интерэкоправовых договоров. Если в 1948 г. Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС) предоставил консультативный статус 41-ой неправительственной организации, а в 1968 г. – 377-ми, то в настоящее время число НПО, имеющих консультативный статус, превышает 3400.² Неправительственные организации (НПО) играют важную роль в содействии имплементации и соблюдении международных экологических соглашений.³ Гринпис, например, с более чем 4,1 миллион членов (1995) способствовал соблюдению государствами-членами Лондонской конвенции 1972 года, регулирующей морской дампинг.⁴ Программа ТРАФФИК и Всемирный фонд дикой природы помогли в продвижении соблюдения СИТЕС и Международного соглашения по тропической древесине, в частности, посредством разоблачения незаконной практики. МСОП контролирует соблюдение природоохранного статуса объектов Всемирного наследия.⁵ Профессор Вайс несогласна с мифом, и отмечает, что общественности трудно оценить достоверность информации НПО, делая вывод о том, что некоторые НПО играют важную роль в содействии реализации и соблюдении конкретных соглашений, а другие НПО вполне могут

подорвать соблюдение. Профессор называет перспективную задачу: «Международному сообществу еще предстоит разработать порядок привлечения НПО к ответственности за свои действия». Оценивая влияние международных экологических НПО на соблюдение государствами интерэкоправовых договоров в целом, следует признать его более благотворным, чем деструктивным. Международные экологические НПО, как и другие участники международных отношений, должны придерживаться принципов международного права. ЭкоНПО участвуют в обсуждении проектов международно-правовых актов, увеличивают возможности контроля за соблюдением договоров. Сегодня международные экоНПО – незаменимые субъекты природоохранной деятельности, участие которых служит объективности принимаемых решений.

Миф десятый: формальные процедуры разрешения споров имеют важное значение для соблюдения интерэкоправовых договоров. Многие интерэкоправовые соглашения предусматривают формальные процедуры разрешения споров.⁶ Предполагается, что при возникновении споров относительно толкования договора или при нарушении его положений, сто-

Высторобец Е.А.

Турбаба А.С.

1 Weiss E. B. Understanding Compliance with International Environmental Agreements: The Baker's Dozen Myths // University of Richmond Law Review. 1999 (January). - № 32. - P. 1555-1585.

2 Урсин Д.А. Международные неправительственные организации и прогрессивное развитие международного права : Автореф. ... к.ю.н. 12.00.10. Науч. рук. А. Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2000. – 16 с.; Introduction to ECOSOC Consultative Status. URL: <http://esango.un.org/paperless/Web?page=static&content=intro> (08.09.2013).

3 О воздействии НПО на интерэкоправо см.: Chayes Abram & Chayes Antonia «Toni» Hendler. The New Sovereignty: Compliance with International Regulating Agreements, supra note 16, at 250-70 // Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995; Charnovitz Stev. Two Centuries of Participation: NGOs and International Governance // 18 MICH. J. INT'L. L. 183 (1997); Raustiala Kai. The «Participatory Revolution» in International Environmental Law // 21 HARV. ENVTL. L. REV. 537 (1997); Tarlock Dan. The Role of Non-Governmental Organizations in the Development of International Environmental Law // 68 CHI.-KENT L. REV. 61 (1992). – Цит. по Э.Б. Вайс.

4 Spiro Peter J. New Global Communities: Nongovernmental Organizations in International Decision-Making Institutions // 18 WASH. Q. 45 (1995). – Цит. по Э.Б. Вайс.

5 Цит. по Э.Б. Вайс.

6 См., например, ст. 18-20 Протокола по охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 года (Мадрид, 4 октября 1991 г.) и дополнение к протоколу Арбитраж, ратифицирован Россией // СЗ РФ. – 1998 (17.08). – № 33. – Ст. 3956; ст. 20 Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года (Базель, 22 марта 1989 г.) и Приложение VI Арбитраж // БМД. – 1996. – № 7. – С. 3–33; ст. 11 Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 года (Вена, 22 марта 1985 г.) // Действующее международное право. Т. 3. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 692-700; ст. 27 Конвенции ООН о биологическом разнообразии 1992 года (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) // БМД. – 1996. – № 9. – С. 3-28; ст. 186-188 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (Монтего-Бэй, Ямайка, 10 декабря 1982 г.), с изм. от 23.07.1994 // БМД. – 1998. – № 1. – С. 3-168.

роны должны иметь возможность прибегнуть к формальным процедурам, таким как посредничество, примирение, арбитраж, международное судебное разбирательство. А это, в свою очередь, способствует эффективному принуждению к исполнению соглашения. По мнению Э.Б. Вайс реальность такова, что стороны никогда не ссылаются на формальные процедуры урегулирования споров, содержащиеся в большинстве интерэкоправовых соглашений. Достаточно категоричный тезис, согласиться с которым затруднительно, тем более, что автор сама приводит многочисленные исключения. Развенчание данного мифа осуществляется ею скорее в буквальном смысле: процедуры разрешения споров прямо используются редко, но их существование стимулирует стороны разрешать вопросы иными способами, поскольку существование судов подразумевает попытки досудебного урегулирования. Точнее миф опровергается тезисом о том, что «в жизни нечасто экологический спор возникает из толкования одного МЭС [международного экологического соглашения], поэтому клаузула не всегда помогает».¹ Таким образом, при наличии в договорах собственных процедур разрешения споров достигается соблюдение не в меньшей степени, чем при их отсутствии, а прямо или косвенно процедуры влияют на результат в рамках конкретного договора, и, по нашему мнению, имеет второстепенное значение – миф в целом оказывается реальностью. Другой важный аспект, на который обращает внимание автор – разделение процессов урегулирования споров на досудебные, характерные для одних соглашений и судебные, характерные для других. С одной стороны профессор Вайс приводит в качестве примеров органов по соблюдению, и, разумеется, соответствующих процедур: Комитет по выполнению в рамках процедуры, касающейся несоблюдения Монреальского протокола по веществам, разрушающих озоновый слой 1987 года; статью 11 Протокола 1996 года к Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года (LC Protocol); Комитет по выполнению Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 года. С другой стороны, названным институтам и процедурам профессор противопоставляет практику ВТО, ЕСПЧ, дела, касающиеся СИТЕС и контрабанды хлорфторуглеродов. Делается вывод о том, что формальные процедуры разрешения споров используются чаще, если интерэкоправовые соглашения связаны с торговлей. Доцент А.М. Солнцев оценивает количество международных судов и квазисудебных учреждений, рассматривавших международные споры в области охраны окружающей среды и природопользования в несколько десятков.² Очевидно, что за прошедшие годы накоплен определенный опыт использования формальных процедур разрешения международных споров. Представляется, что международные экологические дела (судебные споры) очень поверхностно было бы делить на «торговые», для которых характерно формальное разрешение и «неторговые», тяготеющие к примирению, добрым услугам и другим механизмам. Торговые споры – частный случай международных экологических дел, которые, подобно другим делам направлены на восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов, признание права, устранение угрозы нарушения законных прав и интересов, установление правового режима, получение компенсации, и любые иные предметы, за исключением споров по вопросам, отнесенным международным правом к исключительной внутренней компетенции государств. Миф подтверждается правилом: «Чем больше эффективных про-

цедур разрешения споров, тем полнее соблюдение интерэкоправовых договоров».

Миф одиннадцатый: в случаях несоблюдения интерэкоправовых соглашений для обеспечения их соблюдения необходимы меры принуждения. Традиционно, международное право опирается на принудительные меры для обеспечения соблюдения своих положений. Меры принуждения Э.Б. Вайс понимает в целом, как международные санкции. Эти меры могут быть определены как «любая угроза действий или комбинация действий, которые <...> будут иметь место, чтобы компенсировать прибыль, которую потенциальный нарушитель может получить от несоблюдения».³ Они включают в себя санкции (военные, экономические), штрафы и такие меры, как лишение членских привилегий по соглашению. Меры принуждения, как правило, связаны с международными правилами, касающимися применения силы или обязательств в торговых соглашениях. В тоже время, меры принуждения редко используются в интерэкоправе. Некоторые ученые полагают, что они, в основном, неуместны и неэффективны для решения международных экологических проблем.⁴ Меры принуждения, обнаруживаемые в интерэкоправовых соглашениях, согласно Э.Б. Вайс, бывают трех видов. Они предусматривают торговые санкции;⁵ лишают определенных привилегий членства; предусматривают обнаружение фактов нарушений в официальных изданиях, чтобы сделать их достоянием общест-венности («лучезарный» метод по Э.Б. Вайс). Развенчание данного мифа представляется труднодостижимым. Хотя применение международных санкций в интерэкоправе не распространено, для стимулирования соблюдения целесообразно рассматривать комплекс доступных средств международного воздействия, что особенно полезно для мотивации сторон, соблюдение соглашений которыми вызывает внутреннее противодействие. Сомнительно, что договоры совершенно не обеспеченные способами стимулирования сторон к их соблюдению будут достигать максимальных результатов. Необходимо зависимость между уровнем соблюдения и объемом преимуществ, предоставляемых сторонам, находящимся в режиме соблюдения.

Миф двенадцатый: рынки способствуют тому, что страны не соблюдают соглашения, или свободные рынки всегда обеспечивают соблюдение. Несмотря на поляризацию мнений

1 Солнцев А.М. Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров. Дисс. ... к.ю.н. 12.00.10. Науч. рук. А. Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2000. – С. 108.
2 Солнцев А.М. Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров. Дисс. ... к.ю.н. 12.00.10. Науч. рук. А. Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2000. – 225 с.

3 Downs George W. Enforcement and the Evolution of Cooperation // 19 MICH. J. INT'L L. 319, 321 (1998). – Цит. по Э.Б. Вайс.
4 См.: Chayes & Chayes, supra note 16, at 29-108; Abram Chayes. Proceedings of the 91st Annual Meeting: Implementation, Compliance and Effectiveness // AM. SOC'Y INT'L L. 1997. P. 53-54. – Цит. по Э.Б. Вайс.
5 Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1994 года предусматривает, что для запрещения торговли в нарушение положений Конвенции Стороны могут применить: «(а) наказание за торговлю или владение такими образцами либо за то и другое; и (b) конфискацию или возвращение таких образцов экспортирующему государству», а также «любой способ материального возмещения расходов, понесенных в результате конфискации образца, ставшего предметом торговли в нарушение мер, принятых в связи с применением положений настоящей Конвенции» (ст. VIII). Стороны СИТЕС приняли решение о наложении санкций на Китай и Тайвань в связи с их участием в торговле рогами носорогов и дериватами тигров. А в ответ на рекомендации Постоянного комитета СИТЕС, Соединенные Штаты, согласно Поправке Пелли (Pelly Amendment), установили санкции по импорту к Тайваню в 1994 году, который не являлся стороной Конвенции – см. Экологическое право – мотивации в международном сотрудничестве. – М.: Наука, 2006. – С. 20. <Сайт ЕврАзЮжа>. URL: http://www.eurasialaw.ru/PDF/motivations_wystorobets_q.pdf (09.09.2013); Crawford Christine. Conflicts Between the Convention on International Trade in Endangered Species and the GATT in Light of Actions to Halt the Rhinoceros and Tiger Trade // GEO. INT'L ENV. L. REV. 1995. Vol. 7. P. 555-585. Rhino Resource Centre web-site. URL: http://www.rhinoresourcecenter.com/pdf_files/132/1328419860.pdf (09.09.2013).

ученых относительно влияния рынков на соблюдение соглашений, Э.Б. Вайс не принимает ни одну из сторон и ограничивается утверждением о том, что «влияние рынков на соблюдение всегда неоднозначно». Автор не различает понятия легального и «черного» рынков. По нашему мнению, в отдельных случаях страны нарушают соглашения из-за непринятия комплексных мер по противодействию теневой торговле, в том числе не-юридических. Вопрос решает не только и не столько запрет определенных товаров, веществ, а предложение заменителей, которые дешевле и привлекательнее по своим свойствам. Если замещение невозможно, необходимо усиление внутреннего контроля и повышение ответственности продавцов и покупателей. По примеру Соглашения между Канадой и США о кислотных дождях,¹ на основании которого осуществлялась торговля правами на эмиссию диоксида серы, а также Киотского протокола, профессор предлагает рассмотреть возможность разработки международных программ по торговле правами на эмиссию для источников выбросов, близких к границе. Заканчивая рассмотрение мифа, Вайс указывает на то, что восприятие обязательств как справедливых, является важным фактором стимулирующим соблюдение. Здесь же без подтверждения она говорит об озабоченности развивающихся стран справедливостью механизма совместного осуществления и схем реализации квот на выбросы Киотского протокола. Так, по мнению профессора, рынки могут препятствовать соблюдению определенными странами, если обязательства воспринимаются в них несправедливыми. Но «главный <...> инструмент среди киотских механизмов — не продажа квот на выбросы парниковых газов, а проекты совместного осуществления, когда инвестор за средства, вложенные в меры по сокращению выбросов, получает это сокращение в зачет по своим обязательствам».² Развивающиеся страны — выгодополучатель по Протоколу, а торговля квотами — прерогатива стран Приложения В, взявших на себя обязательства по ограничению или сокращению выбросов в размере от 92 до 110 процентов от базового года или периода. Это представляется нам справедливым. Здесь примечательно понимание справедливости в том, что выгодно только США и Китаю против 195 стран, если говорить о Протоколе.³ Отказ от ратификации Киотского протокола объяснялся тем, что он 1) предусматривает ограничение или уменьшение выбросов парниковых газов для Сторон Приложения I, но не предусматривает плановых обязательств по ограничению или уменьшению для развивающихся стран; 2) нанесет серьезный вред экономике Соединенных Штатов.⁴ Другими словами, согласно позиции Сената, США Протокол ратифицировали, если бы развивающиеся страны были поставлены в более жесткие условия, ограничивающие потенциал развития. В рамках рассмотрения шестого мифа Вайс сформулировала правило, с которым мы полностью солидарны. Напомним его: «важно не то, чтобы как можно большее число сторон соблюдало соглашение, а чтобы его соблюдали «основные» участники, деятельность которых име-

ет наибольший удельный вес для достижения цели соглашения». США занимают первое место в мире по доле выбросов парниковых газов (около 20%).⁵ Имея 8% видов цветковых растений мира,⁶ являясь одним из крупнейших производителей, пользователей, экспортеров химических веществ в мире⁷ Северо-Американские Соединенные Штаты не ратифицировали Конвенцию о биологическом разнообразии 1992 года,⁸ Стокгольмскую Конвенцию о стойких органических загрязнителях 2001 года⁹ и другие договоры.¹⁰ Теневые рынки, отклонение от ратификации международных договоров снижают соблюдение и действенность международно-согласованных мер.

Миф тринадцатый: стратегии соблюдения могут одинаково применяться к государствам-участникам интерэкоправовых соглашений. Тезис категоричный, а потому ложный. Не многие находятся в плену этого мифа. С этим тезисом и Э.Б. Вайс не согласна. Данное мнение основано на исследовании, проведенном в книге «Ангажируя страны». Для соблюдения, несомненно, могут быть полезны разнообразные виды мер принуждения/стимулирования. Например, финансовая поддержка (из специального фонда, обслуживающего соглашение, Глобального экологического фонда или других многосторонних и двусторонних фондов), техническое сотрудничество, подготовка кадров и программы по наращиванию потенциала и стимулов, которые могут быть предоставлены частному сектору. «Лучезарные» методы по Э.Б. Вайс включают в себя отчетность, контроль на местах, участие НПО, доступ общественности к информации, прозрачность в принятии решений, меры по информированию общественности, среди которых информационные бюллетени, вовлечение местных сообществ, промышленный мониторинг, уговоры другими сторонами и секретариатами. Интерэкоправовые соглашения в основном полагаются на «лучезарные» методы и стимулы. Для каждого соглашения должно быть доступно сочетание целого ряда стратегий соблюдения. С данным выводом трудно не согласиться.

Заключение. Автор ричмондской статьи резюмирует, что развенчание мифов может помочь понять сложный и постоянно меняющийся процесс соблюдения интерэкоправовых соглашений и позволит странам разрабатывать и осуществлять более эффективные стратегии соблюдения, адаптируемые к экстерналиям. Также отмечается необходимость проведения эмпирических исследований, систематичный учет соблюдения государствами определенных соглашений.

1 Соглашение между Правительством Канады и Правительством США о качестве воздуха [о CO₂ и NO_x] 1991 года (Оттава, 13 марта 1991 г.) // Web-site of the Environment Canada. URL: <http://www.ec.gc.ca/Air/default.asp?lang=En&n=1E841873-1> (12.09.2013).
2 Данилов-Данильян В.И. Киотский протокол: взгляд сторонника ратификации // Transition — Экономический вестник о вопросах переходной экономики; Всемирный банк и ЦЭФИР. — 2004. — № 2 (апрель-июнь). — С. 27. URL: <http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/beytrans/2004/2/all.pdf> (15.09.2013).
3 Стороны Конвенции и Государства-наблюдатели (Ватикан, Ю.Судан, Палестина) // UNFCCC web-site. http://unfccc.int/parties_and_observers/parties/items/2352.php (13.09.2013).
4 Byrd-Hagel Resolution 25.07.1997 Expressing the sense of the Senate regarding the conditions for the United States becoming a signatory to any international agreement on greenhouse gas emissions under the United Nations // NCPFR web-site. URL: <http://www.nationalcenter.org/KyotoSenate.html> (13.09.2013).

5 Country GHG Emissions // Web-site of the World Resources Institute. URL: [http://cait2.wri.org/wri/#Country GHG Emissions?indicator=Total GHG Emissions Excluding LUCF&indicator=Total GHG Emissions Including LUCF&year=2010&sortId=&sortDir=&chartType=](http://cait2.wri.org/wri/#Country%20GHG%20Emissions?indicator=Total%20GHG%20Emissions%20Excluding%20LUCF&indicator=Total%20GHG%20Emissions%20Including%20LUCF&year=2010&sortId=&sortDir=&chartType=) (13.09.2013).
6 Flavin C. The Legacy of Rio // State of the World. Eds.: L.R.Brown, C.Flavin, H.F.French. Worldwatch Institute. W.W. Norton & Company. New York — London. 1997. 229 P. — цитируется по: Россия в окружающем мире: 1998 (Аналитический ежегодник). Отв. ред. Н.Н.Марфенин / Под общей редакцией: Н.Н.Моисеева, С.А.Степанова. — М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. — С. 14.
7 Bang Guri. Signed but not ratified: Limits to U.S. participation in international environmental agreements // Center for International Climate and Environmental Research, Oslo (CICERO). — 2010 (19.11). — P. 19.
8 Список Сторон // CBD's web-site. URL: <http://www.cbd.int/convention/parties/list/> (13.09.2013).
9 Состояние ратификации // Web-site of the Stockholm Convention (on POPs). <http://chm.pops.int/Countries/StatusofRatifications/tabid/252/Default.aspx> (13.09.2013).
10 В их числе (не ратифицированы по состоянию на 13.09.2013): Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1963 года; Венская конвенция о праве международных договоров 1986 года; Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года; Соглашение 1994 года об осуществлении Части XI Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года; и другие.

Кратко обобщим основные тезисы Э.Б. Вайс и наши выводы, сделанные в ходе знакомства с проблематикой, рассматриваемой в статье.

Общие положения:

Имплементация и соблюдение метапринципов интерэкоправа изучены недостаточно. Количество интерэкоправовых договоров по состоянию на сентябрь 2013 г. – 3 040.¹ В течение последних 15 лет оно увеличивается приблизительно на 1 процент в год. Соблюдение – вопрос обеспечения условий (в т.ч. принудительной силы), уровня сознательности, соответствия культурного уровня и наличия иных мотивов правомерных действий. Для соблюдения важно рассматривать стимулы действий всех субъектов, влияющих на достижение этой цели в рамках международных экологических отношений. Создание комплиментарной вертикали норм интерэкоправа и формирование их понимания – одна из важнейших задач нормотворчества и юридического сообщества. Ее решение также достигается через нормативное руководство правоприменением, процессуальное право, технические, методические рекомендации.

13 мифов, рассматриваемые Э.Б. Вайс в различной степени относятся к интерэкоправу.

Миф 1-й: все страны полностью исполняют свои международные обязательства или страны никогда не исполняют свои международные обязательства. Степень соблюдения возрастает при более продолжительном действии соглашения. Соблюдение не зависит целиком от отдельных государств-участников соглашений, напротив, оно связано с механизмом соблюдения и мерами соблюдения (на разных уровнях).² Наиболее существенными принципами в связи с соблюдением являются взаимно производные, взаимодополняющие принцип добросовестности и принцип *pacta sunt servanda*.³

Миф 2-ой: имплементация, соблюдение, принуждение к исполнению и действенность являются взаимозаменяемыми терминами, которые имеют одинаковый смысл. Данные термины имеют различное содержание. Большинство договоров, особенно в экологической сфере, несамореализуемы и требуют законодательства или подзаконных актов для того, чтобы они имели силу закона в стране. Можно согласиться с тезисом Э.Б. Вайс о значении внутренних мер для имплементации, как с отрицанием ограничительного подхода, если под «совершенством иных действий» понимать создание комплекса условий на различных уровнях, как единство правотворческой, организационно-распорядительной и иной деятельности участников, в том числе, на международном уровне.⁴ «Понятие соблюдения включает имплементацию». Стратегия соблюде-

ния направлена на предотвращение конкретных проявлений несоблюдения. Следует признать предпочтительным понимание «соблюдения», как понятия более объемного по отношению к «выполнению», «исполнению», а также разработку механизма контроля соблюдения всеми субъектами. Сегодня для характеристики соблюдения имеют значение следующие признаки: 1) соответствие договора принципам Устава ООН; 2) применима ли оговорка о неизменности условий;⁵ 3) взаимность; 4) выполнение в соответствии с положениями; 5) принятие всех необходимых мер к выполнению своих обязательств как во внешней, так и во внутренней сфере, включая правовую, и, особенно, исключение действий, которые противоречат договору;⁶ 6) добросовестность, создание благоприятных условий; 7) следование духу (цели) договора и юридически и фактически; и другие признаки. Понятие соблюдения означает, прежде всего, приоритет международного права над законом. Важно разграничивать соблюдение процедур (отчеты), основное соблюдение (*substantive compliance*) (показатели и сроки) и соблюдение духа соглашения (оставаясь в режиме соблюдения, повышать обязательства). Полагаем, что англоязычный термин *enforcement* (принуждение к исполнению) следует понимать не в узком смысле, как принудительные меры, как предлагает профессор Вайс, а также и в широком смысле, как формы соблюдения договора со стороны уполномоченных органов государства и/или международной организации, выражающиеся в своевременном, полном, однозначном, открытом, адресном принятии всех возможных и целесообразных мер. «Действенность» (*effectiveness*) помогает понять, достигнуты ли цели соглашения, или в более общем плане, действенно ли (*effective*) соглашение для решения той проблемы, из-за которой оно было принято. Действенность не обязательно всегда соотносится с соблюдением – отмечает Э.Б. Вайс. Но «соблюдение предполагает повышение действенности». Следует не путать действенность с эффективностью (*efficiency*). Отдельно взятый специальный договор не решает универсальную проблему в целом, он вносит вклад в ее решение в своей части, как СИТЕС «работает на таможенных границах» и в этой части содействует сохранению биологического разнообразия. Второй миф о якобы тождестве четырех различных понятий полезен для привлечения внимания к разработке их содержания, но как равнозначные, они не могут пониматься, подобное заблуждение маловероятно, хотя Э.Б. Вайс и берет его за основу.

Миф 3-й: обязывающие соглашения всегда предпочтительнее не обязывающим, потому что страны лучше соблюдают обязательные соглашения, чем рекомендательные. «Не обязывающие правовые инструменты устанавливают нормы, которые государства и другие субъекты могут соблюдать, даже несмотря на то, что они не так строго того требуют. Они создают ожидания, которые влияют на поведение субъектов, и помогают избегать возникновения спорных вопросов». Институтуальная структура по оказанию помощи странам и неправительственным организациям по контролю за соблюдением может быть столь же важной, как и обязывающие ин-

1 Data from Mitchell Ronald B. 2002–2013. International Environmental Agreements Database Project (Version 2013.1). Available at: <http://iea.uoregon.edu/>. Date accessed: 13 September 2013.

2 Скрипник И.И., Солнцев А.М. Международный механизм соблюдения государствами обязательств по управлению охраняемыми природными территориями // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 224–240; Высторобец Е.А. Проблемы выполнения международных природоохранных договоров / Актуальные вопросы российского права: сб. науч. трудов. – Вып. 3 / отв. ред. Ю. Е. Винокуров. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. – С. 113–123; Высторобец Е.А. Механизмы применения и контроля за соблюдением международно-правовых актов в области охраны окружающей среды и рационального природопользования / Сборник материалов учебно-методического курса Закон и защита общественных экологических интересов. 26.10-01.11.2000. – Уфа: Союз экологов Республики Башкортостан, 2000. – С. 84–89.

3 Высторобец Е.А. Лукашукские чтения как взгляд на интерэкоправо // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева. Серия Юридические науки. – 2011. – № 3 (9). – С. 184. <Источник: страница МИРМОС> URL: http://miel.narod2.ru/interocolaw_drafts/WystorobetsLukashuk_q.pdf (05.05.2013).

4 Игнатенко Г.В. Советское законодательство во международных договорах: опыт, тенденции и проблемы взаимодействия // Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 72.; Тиунов О.И., Каширкина А.А., Мо-

розов А.Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. – М.: Норма, 2011. – С. 105.

5 В практике Международного Суда подтверждения этого подхода, например, обнаруживает Дело “Железный Рейн” <о распределении расходов на возобновление движения по исторической железной дороге, возникающих, в том числе, из обязанности осуществлять природоохранные меры> [из Бельгии через Нидерланды в Германию] (Бельгия/Нидерланды) Арбитражное решение (исправленное) от 24.05.2005 – Iron Rhine Arbitration (Belgium/Netherlands) - Award of the arbitral tribunal dated May 24, 2005 (corrected) (President Judge Rosalyn Higgins). – 103 p. URL: http://www.pca-cpa.org/showfile.asp?fil_id=377 (англ.) (04.02.2013) и многие другие.

6 См.: Лукашук И. И. Современное право международных договоров. В 2-х т. Т. 2. Действие международных договоров. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 15.

струменты. «Исследование неформальных социальных норм и договорного права показывает, что при определенных условиях не обязывающие инструменты могут исполняться на том же уровне что и обязывающие» – верно подмечает Э.Б. Вайс. Рассмотренный Э.Б. Вайс миф связан с изменением правовых механизмов и отказом от применения исключительно обязывающих норм. Чтобы повысить действенность интерэкоправа необходимо связать *jus cogens*, *erga omnes*, метапринципы интерэкоправа и трансграничный вред. Говоря об исследовании внутреннего соблюдения неофициальных социальных норм и частных соглашений профессор Вайс предвосхищает появление транснационального экологического права.

Миф 4-й: секретариаты международных соглашений, как марионетки на веревочках, которые контролируются правительствами. Они имеют мало влияния; их деятельность минимальна. Четвертый миф основан на предположении о том, что правительства контролируют секретариаты и держат их на коротком поводке и что секретариаты, таким образом, оказывают незначительное влияние на разработку и реализацию договора. Размер большинства секретариатов и их ресурсы усиливают это предположение. Правительство прикомандировывает сотрудников в секретариат, что также создает впечатление правительственного контроля. Юридический подход при рассмотрении роли секретариатов конвенций и соглашений, как нам представляется, заключается в сравнении и выявлении условий оптимизации положений о секретариатах, включаемых в договоры, в создании условий оптимизации норм внутренних регламентов и процедур. Если роль «неклассических» субъектов международного права возрастает, то роль правительств и международных организаций должна уменьшаться. Правительства, проводящие внешнюю экологическую политику, определенно должны быть заинтересованы в исследованиях правовых и организационных механизмов защиты их интересов, в том числе через секретариаты международных договоров. Многие из вопросов, связанных с деятельностью секретариатов, пока не решены. Международный секретариат, отвечающий за поддержание сотрудничества и координацию действий всех сторон природоохранного или природоресурсного соглашения – ключевой элемент механизма действия соответствующего договора.

Миф 5-й: чем точнее обязательства, тем лучше соблюдение со стороны участников. Мнение Э.Б. Вайс об отсутствии прямой зависимости соблюдения от точности формулировок обязательств мы разделяем в целом. Действенность формы и эффективность ее реализации прямо не связаны. Хотя зависимость между точностью обязательств и соблюдением косвенная, но потенциал соблюдения тем выше, чем точнее сформулированы обязательства, реалистичны ли они, и от того, насколько результаты их выполнения отдельными сторонами сопоставимы. Используя лексику профессора, заключение «неточных» соглашений целесообразно лишь в начале международно-правового регулирования определенных отношений, подразумевая последующее уточнение обязательств. Пятый миф может служить оправданием имитации природоохранной деятельности. В этом его изъян. Со времени осознания сторонами своей возможности и целесообразности принимать совместные согласованные меры по решению общей проблемы, пятый миф – скорее истина, чем ложное представление.

Миф 6-ой: регулярные отчеты страны имеют большое значение для контроля за соблюдением. Важным является полное соблюдение договора всеми государствами-участниками. Этот миф для Э.Б. Вайс, в отличие от ранее рассмотренных мифов интерэкоправа, не отрицает основной тезис, положенный в его основу. Отчеты полезны, по мнению Э.Б. Вайс, с которым мы солидарны, поскольку они вовлекают государства в процесс имплементации соглашений. Отчетность является важным инструментом для ознакомления правительств и других субъектов о действиях, которые необходимо

предпринять для выполнения международных обязательств. Процесс подготовки отчетов может стимулировать создание условий для выполнения материально-правовых обязательств договаривающихся сторон. Проблемы, о которых пишет автор, разнородны. Это и нежелание государства сообщать о недоработках, качестве отчетов, которые могут быть неправдоподобными, неполными, неточными и запоздалыми.¹ Автор отмечает важность «внешней» проверки соблюдения договоров сторонами и секретариатами, как на основании отчетов, так и, в зависимости от предметной области, на местах, для выявления неуставленных проблем соблюдения. С.А. Балашенко полнее Э.Б. Вайс высказывается в пользу независимого контроля: «Фактически самым эффективным и важным механизмом контроля <...> являются неправительственные организации (НПО), занимающиеся охраной окружающей среды, и в определенной мере международные правительственные и полуправительственные организации».² Кроме того, профессор Вайс упоминает о проблеме «перегруженности отчетами», как на уровне государств, так и для субъектов, которые их получают и обрабатывают. Ее решение автор видит в использовании стандартных протоколов отчетности. Согласно профессору, важно не то, чтобы как можно большее число сторон соблюдало соглашение, а чтобы его соблюдали «основные» участники, деятельность которых имеет наибольший удельный вес для достижения цели соглашения. Рациональное зерно в проблеме отчетности о выполнении соглашений заключается в изучении наилучшего опыта интерэкоправового регулирования вопросов сбора информации, подготовки и представления отчетов, включая формализацию и унификацию технических и технологических средств осуществления этих задач.

Миф 7-ой: децентрализация имплементации соглашений в пользу местных властей с возложением на них ответственности улучшает соблюдение. Сделан вывод о возможности деления международных договоров и процессов на три группы: I группа – договоры, в которых и для которых участие субъектов Российской Федерации в выполнении международных обязательств России предусмотрено нормативно (Конвенция о биологическом разнообразии 1992 года, Конвенция по борьбе с опустыниванием 1994 года, Рамсарская конвенция 1971 года, Венская конвенция 1985 года и Монреальский протокол 1987 года, а также конвенции об охране морской среды); II группа – договоры, в реализации которых субъекты Российской Федерации участвуют согласно своим органическим функциям, но такое участие не основано на прямых нормативных положениях федерального уровня, уровня субъектов или самого договора (Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года и Киотский протокол 1997 года, Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1994 года; конвенции Европейской экономической комиссии ООН); III группа – договоры и процессы, полномочия субъектов Российской Федерации по участию в имплементации которых и содействию соблюдению которых нормативно не определено, а фактическое сотрудничество не установлено (остальные). Э.Б. Вайс отмечает, что «вовлечение местного населения создаст культуру соблюдения соглашений»,³ и делает вывод о том, что «со вре-

1 См.: Sachariew Kamen. Promoting Compliance with International Environmental Legal Standards: Reflections on Monitoring and Reporting Mechanisms // 2 Y.B. Int'l & Env'tl. L. 31 (1991) (сомнение в эффективности самостоятельной отчетности из-за неустраняемого влияния самооценки); Bothe Michael. The Evaluation of Enforcement Mechanisms in International Environmental Law – in Enforcing Environmental Standards: Economic Mechanisms as Viable Means? 13, 24 (Rudiger Wolfrum ed., 1996). – Цит. по: Э.Б. Вайс.

2 Балашенко С.А. Государственное управление в области охраны окружающей среды. Минск: БГУ, 2000. – С. 220.

3 В некоторых случаях, усилия, предпринимаемые на местном уровне более успешны мер государства по имплементации – см., например: Danish Kyle W. International Environmental Law and the

менем, привлечение местных властей, в принципе, приведет к большему соблюдению». Седьмой миф выступает, как тенденция, которая должна учитываться в процессе имплементации интерэкоправа.

Миф 8-й: демократия всегда способствует соблюдению. Демократические страны всегда соблюдают договоры лучше, чем недемократические. Об условности восьмого мифа говорит сама профессор Вайс: «Демократия более чутко реагирует на общественное мнение, а общественное мнение не всегда может быть направлено на решение международных проблем». Нам представляется, что истинно демократические страны, уделяют равное внимание публичным и частным интересам, а авторитарные нарушают баланс интересов. Если превалируют публичные интересы, то и соблюдение международных соглашений в области публичного интерэкоправа будет выше. Этот миф – пример самого общего рассуждения, мало связанного с нормами интерэкоправа. Своевременно поставить вопрос о том, при каких условиях положения соглашений об общественном участии могут способствовать лучшему соблюдению договоров.

Миф 9-й: влияние неправительственных организаций всегда приводит к лучшему соблюдению государством интерэкоправовых договоров. В опровержение мифа примеры не приводятся. Участники международных отношений, должны придерживаться принципов международного права. Задача о разработке порядка привлечения НПО к ответственности, поставленная профессором, представляется, рассчитанной на далекую перспективу. В целом участие НПО служит объективности принимаемых решений.

Миф 10-й: формальные процедуры разрешения споров имеют важное значение для соблюдения интерэкоправовых договоров. С категоричным тезисом Э.Б. Вайс о том, что «стороны никогда не ссылаются на формальные процедуры урегулирования споров», согласиться затруднительно, за прошедшие годы накоплен определенный опыт использования формальных процедур разрешения международных споров. Отметим важность задачи по обобщению практики разрешения споров. Чем больше эффективных процедур разрешения споров, тем полнее соблюдение интерэкоправовых договоров.

Миф 11-й: в случаях несоблюдения интерэкоправовых соглашений для обеспечения их соблюдения необходимы меры принуждения. Меры принуждения, обнаруживаемые в интерэкоправовых соглашениях, согласно Э.Б. Вайс, бывают трех видов, они: предусматривают торговые санкции; лишают определенных привилегий членства; предусматривают обнаружение фактов нарушений в официальных изданиях, чтобы сделать их достоянием общественности («лучезарный» метод по Э.Б. Вайс). Договор должен подразумевать прямую связь между уровнем соблюдения и объемом преимуществ, предоставляемых сторонам, находящимся в режиме соблюдения.

Миф 12-й: рынки способствуют тому, что страны не соблюдают соглашения, или свободные рынки всегда обеспечивают соблюдение. Автор не различает понятия легального и «черного» рынков. Теневые рынки, отклонение от ратификации международных договоров снижают соблюдение и ответственность международно-согласованных мер.

Миф 13-й: стратегии соблюдения могут одинаково применяться к государствам-участникам интерэкоправовых соглашений. Для каждого соглашения должно быть доступно соче-

тание целого ряда стратегий соблюдения. В отдельных случаях оптимально использовать различные сочетания. С данным выводом трудно не согласиться. В своей статье Э.Б. Вайс описала подход, полезный для стран при выборе стратегий соблюдения интерэкоправовых соглашений, который можно назвать концепцией разведения мифов. Из 13 мифов семь (1, 2, 4, 8, 11–13) ложные, едва ли они существуют, но их рассмотрение способствует пониманию. Пять мифов (3, 5, 6, 9, 10) при проверке оказываются истинными, их развенчание неубедительно. Один миф (7) – тенденция. Несмотря на различную обоснованность тезисов, статья способствует пониманию интерэкоправа. Под мифами права (образами) А.И. Ковлером понимается «создание систем и категорий абстрактных понятий, исходящих из правового идеала, служащих задачам придания действующему праву большей ясности и эффективности».¹ Интерэкоправовые мифы (международные эколого-правовые мифы) – идеи, составляющие доктрины, которые могут использоваться в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм и их выборочных совокупностей, формулируемые (говоря словами статьи 38 Статута Международного Суда ООН) наиболее квалифицированными специалистами по публичному праву различных наций. Правовые мифы заключаются в объявлении несуществующего существующим и наоборот; содержатся в научной литературе, не закреплены нормативно (в отличие от мифов права: категорий, норм-идей, а также юридических фикций); проявляются в сравнении на макроуровне; условно опровержимы; влияют на формирование правового сознания; могут иметь разнонаправленное действие, соответствовать общественным потребностям и наоборот. Значение правовых мифов в том, что они опосредуют правопонимание, правоприменение, нормотворчество. Правовые мифы выступают одним из идеальных (не формальных, не материальных, не познавательных) источников форм права.² Они оказывают влияние на юридические мотивации субъектов правоотношений, то в каких нормативных и организационных средствах субъекты представляют себе последовательность достижения цели или соблюдения интереса. В научном плане, рассмотрение мифов помогает выявить правовое содержание, которое менее зависимо от случайности или идеологии и сосредоточить на нем внимание. Это способ научной проверки соотношения правовой действительности и объективных потребностей регулирования общественных и международных отношений. «Позитивному праву еще предстоит выработать черты «перспективного права», в котором, исходя из природы человеческого мышления, будет, возможно, достигнута необходимая комбинация рационального и иррационального, реального и мифологического».³ Отсюда значение правовых мифов для познания и совершенствования права. Это значение проявляется как в общетеоретических юридических науках, так и в отраслевых, специальных науках, например, науке интерэкоправа (международного экологического права и международного права окружающей среды).

Пристатейный библиографический список

1. Weiss E. B. Understanding Compliance with International Environmental Agreements: The Baker's Dozen Myths // University of Richmond Law Review. 1999 (January). № 32. - P. - 1555-1585.

1 Ковлер А. И. Антропология права. – М.: ИГ НОРМА-ИНФРА • М, 2002. – С. 303.

2 Источники форм интерэкоправа fontes jus naturae gentium — это номинально и реально осознаваемые совокупности фактов и явлений, благодаря которым интерэкоправо идентифицируется, понимается, выражается как право и соблюдается. Это факты и явления, потенциально обладающие правовыми возможностями, свойствами и влиянием на международную эколого-правовую действительность. Они включают множество совокупностей различной природы: формальные, идеальные, материальные, познавательные.

3 Ковлер А. И. – Там же. – С. 313.

«Bottom-Up» Approach: A Review of the Desertification Convention // 3 Ind. J. Global Legal Stud. 133 (1995) (аргументирует, что подход «снизу-вверх» Конвенции Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке будет более успешным, чем подход «сверху-вниз», потерпевший неудачу на Конференции ООН по опустыниванию 1977 года). – Цит. по: Э.Б. Вайс.

2. Урсин Д.А. Международные неправительственные организации и прогрессивное развитие международного права : Автореф. ... к.ю.н. 12.00.10. Науч. рук. А. Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2000. – 16 с.; Introduction to ECOSOC Consultative Status. URL: <http://esango.un.org/paperless/Web?page=static&content=intro> (08.09.2013).
3. Chayes Abram & Chayes Antonia "Toni" Hendler. The New Sovereignty: Compliance with International Regulating Agreements, supra note 16, at 250-70 // Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
4. Charnovitz Steve. Two Centuries of Participation: NGOs and International Governance, 18 MICH. J. INT'L. L. 183 (1997).
5. Raustiala Kai. The «Participatory Revolution» in International Environmental Law, 21 HARV. ENVTL. L. REV. 537 (1997).
6. Tarlock Dan. The Role of Non-Governmental Organizations in the Development of International Environmental Law, 68 CHI.-KENT L. REV. 61 (1992).
7. Spiro Peter J. New Global Communities: Nongovernmental Organizations in International Decision-Making Institutions, 18 WASH. Q. 45 (1995).
8. Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 года (Мадрид 4 октября 1991 г.) и дополнение к протоколу Арбитраж, ратифицирован Россией // СЗ РФ. 1998 (17.08). – № 33. – Ст. 3956.
9. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 года (Базель, 22 марта 1989 г.) и Приложение VI Арбитраж // БМД. – 1996. – № 7. – С. 3–33.
10. Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 года (Вена, 22 марта 1985 г.) // Действующее международное право. Т. 3. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 692–700.
11. Конвенция ООН о биологическом разнообразии 1992 года (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) // БМД. 1996. – № 9. – С. 3–28.
12. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года (Монтего-Бэй, Ямайка, 10 декабря 1982 г.), с изм. от 23.07.1994 // БМД. – 1998. – № 1. – С. 3–168.
13. Солнцев А.М. Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров. Дисс. ... к.ю.н. 12.00.10. Науч. рук. А. Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2000. – 225 с.
14. Downs George W. Enforcement and the Evolution of Cooperation, 19 MICH. J. INT'L L. 319, 321 (1998).
15. Abram Chayes, Proceedings of the 91st Annual Meeting: Implementation, Compliance and Effectiveness // AM. SOC'Y INT'L L. 1997. – P. – 53–54.
16. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1994 года (СИТЕС) (Вашингтон, 3 марта 1994 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. – М., 1978. – С. 549–562.
17. Поправка Пелли (Закон об охране рыбаков) 1967 Fishermen's Protective Act (Pelly Amendment) // 22 U.S.C. §§ 1971–1979, August 27, 1954, as amended 1968, 1972, 1976–1981, 1984, 1986–1988, 1990, 1992 and 1995.
18. Экологическое право – мотивации в международном сотрудничестве. – М.: Наука, 2006. – С. 20. <Сайт ЕвразЮж> URL: http://www.eurasialaw.ru/PDF/motivations_wystorobets_q.pdf (09.09.2013).
19. Crawford Christine. Conflicts Between the Convention on International Trade in Endangered Species and the GATT in Light of Actions to Halt the Rhinoceros and Tiger Trade // GEO. INT'L ENV. L. REV. 1995, Vol. 7. P. 555–585. Rhino Resource Centre web-site. URL: http://www.rhinoresourcecenter.com/pdf_files/132/1328419860.pdf (09.09.2013).
20. Соглашение между Правительством Канады и Правительством США о качестве воздуха [о CO₂ и NO_x] 1991 года (Оттава, 13 марта 1991 г.) // Web-site of the Environment Canada. URL: <http://www.ec.gc.ca/Air/default.asp?lang=En&n=1E841873-1> (12.09.2013).
21. Данилов-Данильян В.И. Киотский протокол: взгляд сторонника ратификации // Transition – Экономический вестник о вопросах переходной экономики; Всемирный банк и ЦЭФИР. – 2004. – № 2 (апрель-июнь). – С. 27. URL: <http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/beytrans/2004/2/all.pdf> (15.09.2013).
22. Стороны Конвенции и Государства-наблюдатели (Ватикан, Ю.Судан, Палестина) // UNFCCC web-site. http://unfccc.int/parties_and_observers/parties/items/2352.php (13.09.2013).
23. Byrd-Hagel Resolution 25.07.1997 Expressing the sense of the Senate regarding the conditions for the United States becoming a signatory to any international agreement on greenhouse gas emissions under the United Nations // NCPPR web-site. URL: <http://www.nationalcenter.org/KyotoSenate.html> (13.09.2013).
24. Country GHG Emissions // Web-site of the World Resources Institute. URL: http://cait2.wri.org/wri/Country_GHG_Emissions?indicator=Total_GHG_Emissions_Excluding_LUCF&indicator=Total_GHG_Emissions_Including_LUCF&year=2010&sortIdx=&sortDir=&chartType= (13.09.2013).
25. Flavin C. The Legacy of Rio // State of the World. Eds.: L.R.Brown, C.Flavin, H.F.French. Worldwatch Institute. W.W. Norton & Company. New York – London. 1997. – 229 P.
26. Россия в окружающем мире: 1998 (Аналитический ежегодник). Отв. ред. Н.Н.Марфенин / Под общей редакцией: Н.Н.Моисеева, С.А.Степанова. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. – С. 14.
27. Bang Guri. Signed but not ratified: Limits to U.S. participation in international environmental agreements // Center for International Climate and Environmental Research, Oslo (CICERO). 2010 (19.11). – P. 19.
28. Список Сторон // CBD's web-site. URL: <http://www.cbd.int/convention/parties/list/> (13.09.2013).
29. Состояние ратификации // Web-site of the Stockholm Convention (on POPs). <http://chm.pops.int/Countries/StatusofRatifications/tabid/252/Default.aspx> (13.09.2013).
30. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1963 года (ДВЗЯИ/CTBT) (Нью-Йорк, 24 сентября 1996 г.) // Действующее международное право. Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 338–398.
31. Венская конвенция о праве международных договоров 1986 года (Вена, 21 марта 1986 г.) // Ведомости ВС СССР. – 1986 (10.09). – № 37. – Ст. 772.
32. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года (Вена, 23 мая 1969 г.) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. – М.: БЕК, 1996. – С. 67–87.
33. Соглашение 1994 года об осуществлении Части XI Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года (Нью-Йорк, 23 июля 1994 г.) // БМД. – 1998. – № 2. – С. 3–18.
34. Data from Mitchell Ronald B. 2002-2013. International Environmental Agreements Database Project (Version 2013.1). Available at: <http://iea.uoregon.edu/>. Date accessed: 13 September 2013.
35. Скрипник И.И., Солнцев А.М. Международный механизм соблюдения государствами обязательств по управлению охраняемыми природными территориями // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 224–240.
36. Высторобец Е.А. Проблемы выполнения международных природоохранных договоров / Актуальные вопросы российского права: сб. науч. трудов. – Вып. 3 / отв. ред. Ю. Е. Винокуров. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. – С. 113–123.
37. Высторобец Е.А. Механизмы применения и контроля за соблюдением международно-правовых актов в области охраны окружающей среды и рационального природопользования / Сборник материалов учебно-методического курса Закон и защита общественных экологических интересов. 26.10-01.11.2000. – Уфа: Союз экологов Республики Башкортостан, 2000. – С. 84–89.
38. Высторобец Е.А. Лукашукские чтения как взгляд на интерэксперимент // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева. Серия Юридические науки. – 2011. – № 3 (9). – С. 184. <Источник: страница МИРМОС> URL: http://miel.narod2.ru/interelaw_drafts/WystorobetsLukashuk_q.pdf (05.05.2013).
39. Игнатенко Г.В. Советское законодательство и международные договоры: опыт, тенденции и проблемы взаимодействия // Правоведение. – 1987. – № 5. – С. 72.
40. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. – М.: Норма, 2011. – С. 105.
41. Дело “Железный Рейн” <о распределении расходов на возобновление движения по исторической железной дороге, возникающих, в том числе, из обязанности осуществлять природоохранные меры> [из Бельгии через Нидерланды в Германию] (Бельгия/Нидерланды) Арбитражное решение (исправленное) от 24.05.2005 – Iron Rhine Arbitration (Belgium/Netherlands) - Award of the arbitral tribunal dated May 24, 2005 (corrected) (President Judge Rosalyn Higgins). – 103 p. URL: http://www.pca-cpa.org/showfile.asp?fil_id=377 (англ.) (04.02.2013).
42. Лукашук И. И. Современное право международных договоров. В 2-х т. Т. 2. Действие международных договоров. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 15.
43. Sachariew Kamen. Promoting Compliance with International Environmental Legal Standards: Reflections on Monitoring and Reporting Mechanisms // 2 Y.B. Int'l & Env'tl. L. 31 (1991).
44. Bothe Michael. The Evaluation of Enforcement Mechanisms in International Environmental Law – in Enforcing Environmental Standards: Economic Mechanisms as Viable Means? 13, 24 (Rudiger Wolfrum ed., 1996).
45. Балащенко С.А. Государственное управление в области охраны окружающей среды. – Минск: БГУ, 2000. – 341 с.
46. Danish Kyle W. International Environmental Law and the «Bottom-Up» Approach: A Review of the Desertification Convention // 3 Ind. J. Global Legal Stud. 133 (1995).
47. Ковлер А. И. Антропология права. М.: ИГ НОРМА-ИНФРА • М, 2002. – С. 303, 313.